

Ив Ланда



18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОТЫИ

Ив Ланда

СОТЫЙ

Серия «Деворинфир», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70329787

SelfPub; 2024

Аннотация

Леон – едва окончивший школу парнишка, мечтающий жить в свое удовольствие. Однако все вокруг ждут от него ответственности и взрослых решений. Казалось бы, ситуация совсем не уникальная. Но все в жизни Леона резко меняется, когда он внезапно оказывается «сотой жертвой», избранником серийного убийцы. Не иначе, как по воле самой судьбы на помощь бедолаге приходит детектив Лавуа. Но сумеет ли он вырвать мальчишку не только из рук маньяка, но и из пасти древней силы, которой давно пропитался город?

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	56
Глава 10	66
Глава 11	70
Глава 12	80
Глава 13	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ив Ланда

Сотый

Дисклеймер

Уважаемый читатель!

Данная история содержит в себе сцены насилия и нецензурные выражения. Произведение не рекомендуется к прочтению лицам, не достигшим совершеннолетия или со слабой психикой.

Автор не поощряет насилие и ни в коем случае не призывает к нему. Данное произведение является лишь вымышленной историей в жанре хоррор.

Пролог

«Глупость – непростительный порок. Не незнание, прошу заметить, а откровенно дерзкий дефект мировоззрения. Незнание возможно исправить дополнительным изучением информации, а вот устоявшееся восприятие, которое взрастили изувеченным, не исправить ничем. Это жирный черный невус, глубоко проросший в самую плоть корнями. Не выжечь. Не замазать. Лишь вырезать...»

Глава 1

Скелл не выискивал его намеренно. В бездонной пучине социальной сети он, в очередной раз, просто кликал мышкой на первых попавшихся при поиске людей. И так, перебираясь от их друзей к друзьям их друзей снова и снова, остановился на сотой по счету странице, которая принадлежала некому молодому человеку. Зачастую жребий выпадал на страницы юных девушек, поэтому текущий выбор мужчину даже немного разочаровал.

На Скелла с фотографии профиля смотрели беззаботные голубые глаза из-под массивно нависающих надбровных дуг. Натуральный блондин с высоким, слегка жирноватым лбом и курносый короткий носом улыбался, будто бы говоря всем вокруг: «Хэй! Я уверен в себе и люблю свою жизнь!»

Натянутая улыбка и напряженный взгляд – вот то, что было заметно глядящему глубже. Тому, кто умеет не только смотреть, но и видеть.

Профиль парнишки оказался открытым и доступным для всякого гостя, бороздящего просторы интернета. «Стена» его аккаунта пестрила всяческими шутками, посвященными видеоиграм. Он просто обожал шутеры на военную тематику.

Скелл бесшумно выдохнул.

Сплошная досада от предвкушаемой скуки. Однако, лю-

любимое дело – это все равно любимое дело, и скоро ни пол, ни увлечения, ни возраст этого пользователя не будут важны...

Глава 2

Отвратительный день. Так нарек его Леон Коннор, только что вернувшийся домой из парка. Он искренне надеялся, что прогулка с Артуром, его приятелем, поможет поднять настроение. Ведь Артур – единственный, кто понимает его. Единственный, с кем можно поговорить, будучи собой, а не притворяясь кем-то правильным. Тем, кого желает видеть мама, тем, кого желает видеть Мерилин.

«Ненавижу. Ненавижу тебя, Мерилин!» – Леон с силой швырнул рюкзак в светло-кремовый шкаф. Ударившись о стенку, тот стек на серый ковролин рядом с вчерашними носками.

Глухо зарывчав, Коннор упал увесистой задней точкой в компьютерное кресло, которое сразу же отозвалась слабым скрипом напрягшихся шурупов. Парень злился. Очень злился. Разговор с давней подругой не покидал его головы. Пускай проходил он методом переписки через «Хэппихай» – популярную социальную сеть, Леон мог поклясться, что слышал насмешливую токсичную интонацию Мерилин у себя в голове.

– Ты серьезно бросил университет?! – писала она. Наверняка в этот момент ее крупные карие глаза по ту сторону монитора округлили от непонимания и возмущения.

Еще бы, Мерилин у нас золотая девочка. Окончила стар-

шую школу со значком Национального Почетного Общества. Ее приняли во все учебные заведения, в которые она отправляла документы. Она выбирала, хлопотала по вопросам получения стипендии. В общем, страна таких не забывает. Разумеется, своенравный жест Леона пронзил ее в самое сердце. Если такой булыжник вообще возможно чем-либо пронзить.

– Ну да, – отвечал ей Леон. – Я не хочу этим заниматься. Не хочу тратить время на то, что мне не нравится.

– Но твоя мать уже заплатила за год учебы!

– Ой, это был ее выбор, – рефлексивно отвел глаза от монитора парень. Ему почему-то вспомнилось, как Мэри смотрела на него по видеосвязи во время очередной тёрки. Такой прожигающий ведьминский взгляд сложно было вынести обладателю неподготовленной психики. Единожды встретившись с ним, невозможно было не видеть его в фантазии всякий раз, когда приходило гневное письмо от девушки.

– Ее выбор?! Ты в своем уме, ленивая жирная задница?! Это большие деньги! Кроме того, ты бы получил диплом экономиста!

– Ради этого терять пять лет? Мерилин, мы сейчас живем во времена, когда диплом мало что решает. Можно отлично устроиться в жизни, не имея этой бумажки. Нужно, чтобы просто повезло, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Я не понимаю, каким образом должно повезти человеку, который днями напролет сидит дома,

жрет за мамин счет и бездействует, играя в компьютерные игрушки. К тебе не прилетит крестная фея, идиот! Если ты сам не пошевелишься, ничего не произойдет. Мама не вечная, Леон.

– Да хватит уже. Разве не важно то, что твой друг счастлив?

– Ох, конечно, ты счастлив! Пока мать вкалывает сутками в чужой стране, чтобы сыночек ни в чем не нуждался, ты праздно проводишь время и совсем не терзаешься совестью. Действительно счастливый человек!

– Не будь эгоисткой, Мэри.

– Это я эгоистка?! – наверняка она в ярости заскрипела зубами. Леона радовал тот факт, что девушка сейчас находилась далеко. Ей явно хотелось его ударить. Он чувствовал это всеми фибрами души.

– Просто порадуйся за меня.

– Порадоваться?! Чему? Тому, что ты – это воплощение материнского разочарования? Как мужчина, ты обязан быть опорой для семьи, а не черной дырой, поглощающей ресурсы!

– Я еще не мужчина.

– Самому не стыдно говорить такое?

– А почему должно быть стыдно? Мне только восемнадцать. Вся жизнь впереди. Все разрулится. А пока я хочу пожить в свое удовольствие. Хватит злиться.

– То есть, не работая и не получая образования? Ты о бу-

душем совсем не задумываешься?

– Нет, – честно признался Леон. – Какой смысл в этом? Я есть здесь и сейчас. Мне всего хватает. Мне хорошо. Если не нужно шевелиться, я не буду шевелиться. Почему ты просто не примешь это?

– Да потому, что это в корне неправильно! Как я уже говорила, мама не вечная. Настанет время, и ты останешься с миром один на один. Куда ты пойдешь без образования? Кому ты будешь нужен?

– Мэри, к тому времени что-нибудь произойдет. Это моя жизнь, единственная. Может, хватит уже?

– Да. Хватит. – То, как Мерилин быстро согласилась, было совсем нетипично. Невольно Коннор напрягся. И, как оказалось, не зря. Следом появилось новое сообщение: – Я не хочу тратить время на неблагодарную свинью. Ты жалкий и бездарный. Ленивый бесхребетный слизняк! Паразит на горбу у своей бедной матери. Некоторые парни, не имея отцов, стремятся к самостоятельности, стремятся быть мужчинами. А ты... Ты даже сам себя мужчиной не считаешь. Я тебе без гадальных карт скажу: можешь не мечтать о здоровых отношениях. Ни одна нормальная девушка не захочет связывать свою жизнь с великовозрастным детиной, которого не интересует ничего, кроме войнушек. Если так нравятся шутеры, почему ты в армию не пойдешь? Ах да, ты же мне уже отвечал. Ты воин «диванных войск». Вам только бы почесать языками. Мерзко! Ты мне мерзок! Уверена, если напи-

шу спустя десять лет, ничего в твоей жизни не изменится. Что ж, удачи тебе, Леон. Она тебе точно пригодится. А с меня достаточно твоих идиотских размышлений. Прощай.

Едва парень успел начать строчить ответ, как поле для ввода текста покраснело и стало недоступным – Мэри заблокировала его. Надо же, спустя четыре года дружбы, она заблокировала его! Не дав даже возможности ответить на это грязное оскорбительное сообщение.

От негодования Леон ударил стопой ножку стола. Благо, та была металлическая, и лишь обеспечила парню ушиб, а не обрушила столешницу вместе с клавиатурой и монитором.

Конечно же, Артур узнал об этой напряженной переписке. Он успокаивал Леона, говорил, что Мэри видит мир только из собственной рамки, а еще, наверное, приревновала к новой подруге Леона, которую тот добавил пару дней назад к своим друзьям в «Хэппихай».

Да, новенькая девчонка казалась интересной. Она тоже любила играть в шутеры, и даже рвалась поиграть вместе. В какой-то момент парень даже был обнадежен на симпатии несмотря на то, что считал новенькую не такой уж красивой. Однако, симпатий не случилось.

Мерилин была осведомлена об этом. Она, казалось, пыталась контролировать всю жизнь Леона. Указывала, что правильно, а что нет. Какой друг хороший, а какой нет. Собственница душила, будто питон, едва у парня появлялась какая-нибудь знакомая. Но почему? Это было непонятно. Мэ-

ри всегда обидно выражала неприязнь, когда Леон пытался ей польстить или пофлиртовать. Он знал наверняка, что противен даме. Такой умной, надменной... красивой.

Сейчас, сидя за столом, он никак не мог собрать мысли в кучу и сосредоточиться. Ему не хотелось ни играть, ни слушать музыку. Ничего. Ему хотелось злиться и что-нибудь бить.

Как посмела она так себя повести? Как посмела она криковать его? Да кто она такая?

Чувство собственного достоинства пульсировало в воспалении. Леону хотелось ответить. Да так, чтобы Мэри навсегда запомнила. Он знал о том, что девушка злопамятна, но больше его это не пугало.

Парень включил компьютер и зашел в интернет, на родной аккаунт в социальной сети. Тот был создан еще во времена средней школы. Если хорошенько покопаться, можно было найти много интересного. Найти и начать ностальгировать по былым временам...

Ностальгировать Леону нравилось. Особенно, по детству. Его очень любила мама. Она никогда не срывалась на ругань, никогда не била и не отчитывала. Наверное, поэтому резко отличающееся строгое поведение Мерилин так лихо обрело над ним власть. Ведь более никто не способен им помыкать. Мэри была исключением. Первым и последним. Более никто и никогда не посмеет ему указывать.

Коннор тяжело выдохнул и, нахмурившись, принялся

массажировать переносицу. У него была особенность: слабовыраженный нистагм. В плохом настроении, как сейчас, глазные яблоки мельтешили сильнее обычного, а это причиняло дискомфорт. Расслабиться было просто необходимо.

Однако, внезапный телефонный звонок мигом отогнал все идеи касательно досуга. Звонила мама.

Парень завыл, как большая собака, и неохотно ответил. Он тут же выдавил из себя маску радости и дружелюбия.

– Мамуся, привет! Отлично все. Да, я кушал, всего хватает. Конечно, я не прогуливаю занятия в университете. Вот только пришел. Ага. Да. Еще немного переведешь денег? Где-то пять тысяч. Здорово, спасибо, мам. Да здоров я, здоров. Все, мне пора. Да-да, потом еще поговорим, – он сбросил вызов.

Послышалось характерное переливчатое пиликанье. Короткий раздражающий звук оповещения из «Хэппихай». Леон пристально сощурил голубые глаза – он сразу им не поверил. Во вкладке «Друзья» повисла одна заявка. Кто-то хотел с ним подружиться.

Парень щелкнул на заявку, и увидел профиль совершенно незнакомой миловидной девушки. «Анна Марэль» – гласило наименование ее аккаунта.

«Что-то знакомое...» – подумал Леон.

Он где-то слышал о ней? Девушка была из другого города, но лицо он точно где-то видел. Как и имя.

«А что, если это Мэри? Она и раньше создавала новые аккаунты, чтобы поиздеваться надо мной», – размышлял парень. Недоверие тут же выстроилось перед ним стеной. Ему захотелось отклонить заявку, а может даже вовсе заблокировать. Но...

Лениво и без особого желания, он все же принял страницу Марэль к себе в друзья. Сокрушенно выдохнув, Леон горестно покачал головой:

«Сейчас польется грязь...»

Глава 3

Но нет. Никто не начал издеваться. Никто не критиковал, не называл тупицей и дураком, как это обожала делать Мерилин.

«Заносчивая стерва» – болезненно вспоминал ее Леон. От этих воспоминаний сердце наливалось кипятком и едва не клокотало. Щеки розовели мгновенно. Они по любой мелочи розовели мгновенно... Тоже особенность.

Уже сутки, как горечь и обиду ему помогала унимать Анна. Они спелись буквально с первых сообщений в «Хэппи-хай» и болтали о всяком весь день и всю ночь. Только под утро измотанный Леон упал лицом в подушку.

За окном уже серело небо – вот-вот начнется рассвет. В комнате становилось светло, а из форточки доносились трели проснувшихся птиц. Казалось, будто все в округе не желало, чтобы парень спал.

Еще и мысли... Эти неприятные мысли лезли в голову, заставляли раскрывать веки и тарашиться в белый потолок со скромной люстрой в виде одинокого черного тюльпана.

Мать не знала о том, что ее сын бросил учебу, и Леон совершенно не представлял, как расскажет ей об этом. Может быть притворяться, пока та не приедет в Город? Делать вид, будто учится, просить деньги якобы для оплаты обучения, но складывать к себе в записку?

Какой-то мерзкий червячок загрыз в груди. Неужели это та самая совесть, про которую говорила Мэри? Может, она была в чем-то права?

«Может, я неудачник? – без сна в глазу думал парень. – Нет, это полная фигня. У меня есть квартира, у меня есть еда, я могу себе позволить делать все, что хочу. Это огромная удача, я считаю. Мэри ни в чем не права. Озлобленная сука. Как говорится, теряя одно, приобретаешь другое». – Он мечтательно улыбнулся, вспоминая Анну. Ее открытую теплую улыбку, длинные темно-русые, почти каштановые волосы, голубые глаза. На каждом фото она смотрит так женственно. От нее буквально излучается мягкая утешающая энергия.

«Ей нравятся те же аниме-сериалы, что и мне». – Это был несомненный плюс для Леона. Мультфильмы и восточную культуру он обожал. И совсем чуждо сие было его бывшей подруге.

Зажужжал мобильный телефон. Щурясь, парень взглянул на экран. Ему пришло сообщение. Открыв его, он узрел текст от Анны.

– Не могу уснуть, – написала она. – А ты?

– Тоже, – оживленно ответил Коннор. Теперь-то уж точно он не заснет, пока новая знакомая онлайн. Как может джентльмен оставить даму в одиночестве?

В ответ она прислала фотографию, где с недовольным лицом кутается в розовое одеяло. Голову девушки обрамлял

обруч с пушистыми кошачьими ушками.

– Милота, – парень заулыбался экрану телефона.

– Теперь ты! – Леону почему-то представлялось, будто у Анны звонкий дразнящий голосок. Именно таким он озвучивал ее сообщения у себя в голове.

– Что я? Я не фотогеничный.

– Ну пожа-а-алуйста!

Еще никогда в жизни ни одна девушка не умоляла его прислать фото. Обычно, всем становилось все понятно еще по фото в профиле. В крайнем случае, с ним созванивались по видеосвязи. И то, так поступала одна лишь Мэри... когда хотела отчитать.

Парень включил на телефоне функцию фронтальной камеры, навел на себя и застыл. На него смотрело большое и крайне хмурое лицо. С опухшими от недосыпа веками и темными кругами под глазами. Светлые пряди растрепались – одними пальцами не пригладишь. Покрутив камеру и так, и сяк, Леон выключил ее и вернулся к переписке.

– Нет, я не буду фотографироваться, – написал он Анне. – Давай лучше ты. Ты миленькая.

– Не честно, – отправила сердитый смайлик девушка, но через пару минут все же прислала фотографию, на которой обнимала подушку. Анна была все в том же обруче, точно кото-девочка из японской манги.

– Тебе бы заняться косплеем. Одеваться в персонажей мультфильмов и игр. У тебя отлично выходит!

«А еще ты худенькая, – мысленно добавил парень. – Как кукла. Черт, Леон, не упусти эту малышку. Она восхитительна».

– О нет, – ответила Марэль. – Только не это. Вот эксклюзивные фото в костюмчиках я могу делать, а заниматься этим серьезно... Нет, это очень дорого. Вот закончу школу, устроюсь на работу, и посмотрим.

– Ты еще не закончила школу? – Леон приблизил фотографию Анны в попытке определить визуально ее возраст.

Сложно. Слишком сложно. Ей можно было дать и пятнадцать, и двадцать лет одновременно. Глазные яблоки парня заколебались сильнее от воодушевления: он всегда хотел сблизиться с девушкой, которая была бы младше него.

– Мне шестнадцать! Старшая школа уж близится к финалу.

– Дрянь эта старшая школа. Школа в принципе дрянь. – Он вспомнил, как мучился на занятиях до переезда в Город-1. До этого они с матерью жили вместе в тесном доме с зелеными обоями, и та постоянно будила Леона рано утром, следила за тем, чтобы он посещал занятия. Возможно, если бы не она, он бы и на школу наплевал. Толку от его аттестата? Кому он нужен?

– А что не дрянь? – чувствовалось, как Анна там, за монитором, смеется. – Колледж – это тоже дрянь. А дальше придется работать, платить налоги, суесться...

– Точно. Было бы намного лучше, если бы все эти умники

остановились и откатились назад. Вообще, если бы мир деградировал. Только представь: не нужно было бы стремиться к каким-то там установленным нормам, достигать заданных кем-то планок. Было бы гораздо проще жить.

– В полной анархии, как животное?

– Не вижу в этом ничего плохого. Свободный идиот – это счастливый человек, не находишь? Не думать про гребаную школу, про то, что нужно работать. Ты никому ничего не должен. Чем меньше знаешь, тем лучше мир вокруг тебя. Разве не замечательно? – Леон вдруг осознал, что мозг потихоньку поплыл. В моменты сонливости или опьянения, в нем пробуждался великий философ. Рассуждать на тему мирового устройства и о том, какие люди никчемные, этот философ был готов часами.

Глаза начали прочнее закрываться и труднее открываться. Дыхание парня стало размеренным.

– Пожалуй, ты прав, – последнее, что увидел в телефоне Леон прежде, чем отключиться. Он провалился в сон сиюминутно.

Глава 4

Такого реалистичного сна Леон не видел никогда. Сырым прохладным воздухом было слишком неприятно дышать. Кислород словно не насыщал легкие. Начиналась отдышка, стоило лишь ускорить шаг...

Он шел по влажной земле, окутанной молочным туманом. Туман достигал колен, тянулся далеко вперед, проглатывал горизонт. Парень мог рассмотреть лишь темно-серые очертания разрушенных домов вокруг. Местность походила на давно заброшенную деревеньку, окруженную лесом.

Предрассветное темно-свинцовое небо давило. Нависало низким потолком. Несмотря на отсутствие явных границ, Леону казалось, будто его заперли. Он чувствовал: его щеки горят и, наверняка, краснеют.

Хотелось просто вдохнуть свежего воздуха. Хотя бы глоток...

Тревога росла вместе с удушьем.

Хруст ветки позади заставил парня дернуться и обернуться.

Никого... Лишь туман и брошенные дома.

Нечто сухое и колючее коснулось голени. В сопровождении высокого визга, Леон отпрыгнул и вытаращил глаза. Пульс застучал в его ушах.

Перед ним раскрывал мертвые объятия сухой черный ку-

старник, усыпанный мелкими шипами. Возможно, это была роза. Или шиповник. Леон не слишком разбирался в растениях.

Словом, ничего необычного. И парень отправился бы далее, если бы ветвь куста внезапно не ринулась к нему навстречу. Прямиком к шее, подобно щупальцу спрута.

Заорав во все горло, Леон со всех ног побежал прочь, в густоту покинутых построек. Он слышал позади себя настойчивое шуршание – ветвь стелилась следом со скоростью рассерженной змеи.

– Это сон! Сон! Почему я бегу тогда? От кого?! – говорил он сам с собой в тщетной попытке успокоиться.

Воздуха не хватало вполне реалистично, как для сновидения. Легкие судорожно дергались, от чего картинка перед глазами начинала размываться, как после хорошей дозы алкоголя.

Из-за стены одного из полуразрушенных домов вышел черный силуэт. Он держал руки в карманах и ожидал, когда бегун, наконец, врежется в него или остановится.

– Это сон! – рявкнул во все горло тот, даже не думая тормозить. – Сон!

– Нет. Не сон, – высокий незнакомец, черный, будто восставшая тень, резко ударил Коннора в солнечное сплетение. Тот отлетел назад и приземлился на задницу, немного проехав ею по почве. Он был ошарашен.

В ту же секунду лоб и рот парня зажало черными сухи-

ми ветвями. Шея защищала от шипов, впившихся в чувствительную кожу. Удавка кустарника затянулась и Леон засипел. Его пальцы, вскрываясь о колючки, пытались сорвать ловушку, разорвать ее, но никак не получалось.

– ...МОГИТЕ! – сквозь забивающиеся в рот ветки закричал он, затравленно водя выпученными в панике глазами.

Он попытался встать, но и ноги стянуло колючей петлей. Тучное тело рухнуло, выбив последний воздух из настрадавшихся легких. Сквозь пухлые губы прорвались новые ветви. Они устремились глубже, в глотку, грубо раздирая нёбо и горло, ломая шипы и оставляя их торчать в слизистой оболочке. Леону оставалось лишь мычать. Истошно, как скот перед забоем.

Его куда-то волокли. Неспешно, но с удивительной легкостью. Парень был высоким и совсем не худышкой.

Следом вальяжно ступала та самая черная тень, не вынимая рук из карманов толстовки или чего-то похожего. Незнакомец насвистывал песенку, но Леон никак не мог ее припомнить. Да и было ли ему дело до слов какой-то дурацкой песни, пока все нутро беспощадно зондируется сухими ветками?!

«Это не может быть реальностью. Такого не бывает» – уверял он себя, ощущая, как неприятно мокреют штаны в области голеней. Судя по щиплющей зудящей боли, ноги парня были здорово изодраны. Ему хотелось заплакать, но не получалось. Хотелось проснуться и вытолкнуть из себя воспо-

минания об этом кошмаре.

Глотка сокращалась в позыве рвотного рефлекса. Сжимала сухой стебель и кололась о его колючки. Но вырвать у Леона тоже не получалось. Он не понимал, почему, ведь оживший кустарник давно уже взбивал содержимое его желудка.

Тело мешком волокли к прямоугольной беспроглядно темной норе между двумя кривыми вишнями. Именно из черноты тянулись колючие щупальца, притворившиеся кустом.

Противиться Леон больше не пытался. Он надеялся, что там и есть конец кошмарного сновидения.

Когда парня затащило в нору по пояс, прямо перед лицом остановился незнакомец. Несколько секунд чувствовался внимательный взгляд силуэта, а затем он сказал до холода бесстрастно:

– Это не сон, придурок.

И грязная подошва черного ботинка отправила Леона в нору целиком. Лоб вполне по-настоящему заломило от боли.

Все вокруг обволокла тьма.

Коннор распахнул веки. Голова действительно трещала. Причем так сильно, что больно было смотреть на белый потолок. Лениво взглянув на наручные часы, парень обнаружил, что проспал до пяти вечера. Кроме того, уснул он, лежа на спине, а потому пересохло горло и язык мог запросто запасть, создав массу неприятных ощущений.

«Вот тебе и боли, и ветки в горле» – успокоился парень.

Он с трудом сел и потер голени. Кожа под штаниной запекла.

– Опять аллергия, – выдохнул он и потянулся к шкафчику возле кровати, где хранил сундучок с медикаментами. Закинув пару таблеток от аллергии в рот, Леон горестно обнаружил, что не набирал себе в стакан воды на ночь. Придется встать и идти на кухню...

По дороге он проверил телефон.

«Два пропущенных от мамы и пять сообщений от Анны. Ох, надеюсь, она не обиделась на то, что я так долго спал...»

Проигнорировав пропущенные, парень вошел в «Хэппи-хай».

– Ты живой? – гласило первое сообщение Марэль. – Ничего себе, ты соня, – гласило второе. – Мы с родителями собираемся сегодня съездить на ужин к бабушке. Поэтому меня не будет до вечера. Не скучай.

«А, ну и отлично. Спокойно поиграю с ребятами».

Он открыл следующий текст.

– Когда приеду, хочу с тобой поболтать. Как сегодня ночью. Ты умный. С тобой приятно проводить время. Ничуть не жалею, что осмелилась попроситься к тебе в друзья. Знаешь, это прямо-таки судьба...

– Это точно, – вслух прокомментировал Леон. – Просто так такие, как Мэри не отстают. А тут словно место для тебя освободилось, Анна.

– Жду вечера, Леон! – сердечком заключила девушка.

Приятно. Когда на тебя смотрят снизу вверх – это все-

гда приятно. Замечтавшись, Леон почувствовал, как растаяли таблетки на его языке. Скривившись от горечи, он начал обильно запивать их водой.

Небольшая кухня со старым бабулиным ремонтом уже во всю пропиталась золотистым солнечным светом. Хорошая погода за окном так и манила прогуляться. Куда-нибудь в излюбленный парк, полюбоваться закатом. И парень почти искусился, однако ощутил, как нечто невидимое настойчиво тянет его из фантазий о прогулке обратно.

Он обернулся и заскулил от ужаса: покрытая налетом металлическая мойка была до самого крана забита старой посудой. Остатки еды кое-где уже присохли намертво. И все это уже попросту нужно было отмыть, иначе будет не из чего ужинать и даже пить чай.

– Да черт, – выругался досадливо Леон, открывая кран. Поток воды тут же отрикошетил от тарелки и обдал щеки и лоб парня холодной водой. – Сука!

Еще и мобильный зазвонил, вызвав полное ярости рычание.

– Да кто там?! Мама? – он схватил мокрой рукой телефон и раздраженно отшвырнул на столешницу, покрытую белой ажурной скатертью. Наверное, еще более древней, чем ремонт на кухне. – Некогда! Оставьте меня, блин, в покое!

Негатив бурлил пробужденным вулканом. Парню захотелось со всей силы стукнуть дверцу шкафа под мойкой, но он понимал, что разобьет доисторическую мебель, а починить

не сможет. Пробитая дверца была бы просто вишенкой на торте для приехавшей матери. Особенно, после новостей об университете.

Лишь одно успокаивало: сейчас он закончит мучения и пойдет играть, а потом в сеть выйдет Анна. С ней можно будет расслабиться и обсудить любую ерунду. Она будет хвалить, восхищаться им.

Такая мягкая в общении и такая симпатичная внешне...

«А Мерилин утверждала, что мною не заинтересуется нормальная красивая девчонка. Выкуси, Мэри! Завидуй, ревнуй. Разрушайся. Стерва...»

Глава 5

Целую неделю Коннора не тревожил ни единый кошмар. Он спал сладко-пресладко, если, конечно, спал. Его режим сна и бодрствования покатился в бездну с той самой ночи, когда они с Анной задержались побеседовать. Теперь они находились на связи почти постоянно. Даже, бывало, играли вместе.

В воскресенье Артур беспардонно оборвал попытку Леона отоспаться. Звонил и дважды, и трижды, пока сонный вялый голос товарища что-то не проямлил в трубку.

– Поехали в центр, – скорее приказал, чем предложил Артур.

– Какой центр? – зевнул Леон. Мозг его еще не проснулся до конца и соображал туго.

– Центр Земли, блядь. Ау! Торговый центр в центре города. «Сезам». Ну? Тресни себя по щам, Леон.

– А-а-а, – протянул тот. Он легко пошлепал себя по щекам и почувствовал щетину. – Тебе там что-то нужно?

– Ты неделю уже стул проперживаешь. Пошли гулять. Вот, что мне нужно. Батя в Берлин билеты взял.

– Да ну?!

– Ага. Вылетаем уже во вторник. Конечно, побудем там недолго, всего четыре дня. По музеям погуляем...

– Жаль, не в Нюрнберг летишь.

– Это, друг мой, в планах. Так что, соизволишь вытащить задницу на улицу или как?

– Да. Где встретимся-то?

– Давай возле кафе на входе в торговый центр? Не помню название. Что-то там про пчелку.

– «Разливная Майя». Это бар.

– Без разницы. Суть ты уловил. В общем, встречаемся там через три часа. И не наедайся. Слопаем по хотдогу в торговом центре.

– Принято, босс, – Коннор ухмыльнулся.

Попрощавшись с другом, парень, шаркая носками по ковровину, побрел к ванной комнате. Он включил свет и уставился в зеркало.

Серость насыщенно покрывала вспухшие мешки под глаубоко посаженными глазами. Леон помял один мешок пальцами и недовольно скривил губы.

«Может, тональный крем купить? А что? Не только ведь девушки хотят выглядеть красиво».

Затем он повернулся боком и напряг бицепс. Вялая бледная рука тут же выдала потуг проявить мышцу, но та обреченно тонула в покрывале дряблости.

«Ну-у неплохо, – заключил парень. – Отожмусь пару раз, и тело будет выглядеть очень даже приятно».

Он взглянул на живот и, вжав его, снова оценил себя в отражении.

– Все данные при мне, – с улыбкой он подмигнул зеркалу.

Неприятный переливчатый звук оповещения прервал обряд самолюбования. Леон уже предполагал, что это Анна написала ему, однако, он не предполагал, что она пришлет ему внезапное фото.

– С добрым утром! – писала девушка. К тексту прилагалась фотография груди в темно-фиолетовом бюстгалтере с черным кружевом под перемычкой и поясом.

– Ох, блин, – парень осел на край ванны. – Это ее?

– Так, только не показывай друзьям, – прислала следующее сообщение Марэль.

– Ты прекрасна, – все, что смог выдать ей в ответ Леон. – Не волнуйся. Я слишком жадный, чтобы показывать кому-либо такое. Давай еще?

– А ты?

Леон снова посмотрел на себя в зеркало. Он втянулся настолько, насколько хватило сил, напряг руку до жжения, и начал вылавливать более успешный ракурс камерой мобильного. Наконец, фотография была готова.

«Не идеально пока. Но ей понравится».

С уверенной улыбкой парень отправил изображение Анне. После прочтения ответ не следовал несколько минут. Леон даже занервничал.

Но вскоре девушка написала:

– Обожаю, как ты выглядишь. Настолько обожаю, что...

От нее поступила новая фотография, от которой парень не заметил, как закусил губы. На ней Анна трогала себя там,

ниже пупка. Совершенно не стесняясь демонстрировать все в подробностях.

Никогда никто прежде не показывал ему ничего подобного.

«Это для меня. Специально только для меня!» – мысли будоражили Леона. Он возбудился настолько, что темно-синие шорты спереди начинали казаться туговатыми.

Вдруг, парень словил себя на мысли, что ему приятно прикасаться к ткани в таком состоянии. Он поерзал еще и судорожно выдохнул.

Следующее сообщение Марэль напрочь выбило у парня все подпорки, которые держали его «крышу». Часто дыша, он занырнул одной рукой под шорты, пока второй увеличивал самые интересные места Анны на изображении.

– Сделай это вместе со мной, – подначивала его девушка. – Я хочу знать об этом...

– Я делаю. – Леону не хотелось смущаться происходящего. Либо он уже достиг такого уровня безбашенности в процессе, что ему попросту было плевать.

Он чувствовал, как горят подрагивающие щеки. Ему хотелось укусить Анну. Сжать. Забрать себе и спрятать от всех, как сокровище. Чтобы она показывала все свои прелести лишь ему одному и никогда в жизни не смотрела на других парней.

Сдавлив вырвавшийся стон, Леон навалился на бачок унитаза и замер в скрученной позе. Некоторое время он просто

дышал, тупым немигающим взглядом глядя в белую кафельную стену с узором в виде завитков по углам плитки.

Дрожащими пальцами он написал:

– Моя... Моя Анна. Я заберу тебя, ты знаешь?

– Правда? – улыбнулась скобкой та. – Я хочу встретиться с тобой. Хочу тебя потрогать... Поцеловать твои красные губы.

– Я бы тоже тебя потрогал. Ох как бы потрогал, – ответил Леон. Он коварно хохотнул, все еще одержимо рассматривая великолепные материалы Марэль. Он поспешно принялся их сохранять на устройство.

Закончив, парень поправил одежду и потер челюсть. Он совсем забыл побриться, а время шло. Артур выест ему весь мозг, если на место не явиться вовремя.

– Ты из Города-1, верно? – спросила Анна.

– Да, из него самого.

– Я могу приехать.

– Ты серьезно?!

«Неужели Мерилин была моим проклятием и, избавившись от нее, я очистил все чакры, карму и разрушил венец безбрачия?» – Леон ощутил приток трепета и воодушевления. Теперь ему как раз будет, что рассказать Артуру при встрече.

– Конечно, серьезно. У меня есть родственники в Городе-1. Родители меня смогут отпустить на следующих выходных, я думаю. Скажи только, где и когда встретимся.

Парень задумался. На ум приходило множество мест, в которых он хотел бы погулять вместе с Анной. Любимые кафе, парк, бары. Да и в кино он бы с ней сходил с удовольствием. На какой-нибудь боевик или ужастик после девяти вечера. Что же выбрать?

«Для начала, выбери место встречи, старик», – обратился он сам к себе, отрезвляя поплывшее воображение.

– Суббота, в полдень. Возле кафе «Шоко-Милк».

– Заметано, – подмигнула Марэль. – Дашь мне свой номер телефона? Я позвоню, когда приеду.

И Леон выполнил просьбу. В душе он ликовал, ведь когда-то Мэри заверяла, будто бы он слишком глуп, чтобы вступить в отношения.

«И кто теперь глуп, агрессивная одинокая сука?» – почти рыкнул от радости парень.

– Спасибо, симпатяга. Жди моего звонка, – Анна отправила Леону смайлик, шлющий поцелуй, и вскоре вышла из сети.

По ту сторону экрана отражали свет холодные темные глаза. Этот взгляд не отображал ни довольства, ни сочувствия. Он был глубоким, как дно древнего колодца, хранящего неисчислимое количество тайн.

Глава 6

Торговый центр пестрел от посетителей. Не удивительно, ведь во всю горел выходной. Здесь даже в будние дни бродит много народу.

Здание в четырнадцать этажей включало в себя множество заведений для проведения досуга, множество бутиков известных и неизвестных брендов. Люди приходили сюда за разноплановыми покупками, приходили поесть, выпить, в кинотеатр или просто занять детей на время. На верхних этажах присутствовал даже спортивный зал с раздевалками и душем. Про салоны красоты и парикмахерские можно даже не говорить – постоянно конкурирующее множество.

Внешне это исполинское здание напоминало отсеченный кусок змеи своими зеркальными окнами, которые, будто черные чешуи, плотно стелились вдоль окружности по всем этажам.

У подножья торгового центра нелепой пристройкой стоял бар «Разливная Майя». Он походил на забытый и переделанный фургон с мороженым. Единственное отличие – брезентовый навес и пластиковые столы на улице рядом.

За одним из таких столов как раз ожидал товарища Леон. Выбритый и благоухающий дорогим парфюмом, который на прошлый День рождения подарила ему мама, парень с надменным видом размешивал палочкой сахар в стаканчике

чая.

В «Сезам» он всегда одевался с иголки. Все-таки это был центр города. Здесь бродили разные люди, однако Коннору всегда хотелось выглядеть так, будто он превосходит их всех. Потому для встречи он специально погладил белую рубашку и надел темные брюки, создавая себе имидж делового человека.

Он сделал глоток, и осознал, что покупка горячего чая летним жарким днем была глупой затеей. Испарина тут же выступила на порозовевшем лице. Ткань рубашки на груди и между лопатками прилипла.

– Ты что, растаял? – коснулся его спины подошедший сзади Артур Тэйт. – Фу, ну и мерзость, – он вытер руки о джинсы.

– Сегодня душно, – Леон развел руками. – Высохнет.

Артур на фоне друга выглядел гораздо скромнее. В простой зеленой футболке, поверх горловины которой колыхался военный жетон отца, худощав и ниже Коннора на полголовы. Он казался подростком лет пятнадцати. Возможно, из-за проблемной кожи, а возможно из-за слишком больших водянисто-серых глаз на фоне треугольного лица.

– Слышал про стрельбу в старшей школе Пригорода?

– Опять? Что-то участились случаи в последнее время. Будто зараза какой-то одержимости.

– Точно подметил, – Артур сел напротив Леона и потер коротко стриженные русые волосы на макушке. – Просто

всем плевать. Учителям плевать. Директорам плевать. Это на камеру перед корреспондентами они ойкают да айкают, качают головами. На деле же никто не хочет сидеть на работе дольше положенного времени. Тем более, неоплачиваемого. Беседы с малолетками проводились бы, если бы государство выделяло на это хорошие деньги. А так... Сегодня Пригород, завтра Город. Послезавтра – Город-2. Ничего не изменится, пока всем насрать.

– Ой, меньше всего мне жалко придурковатых школьников.

– Вот видишь, тебе тоже насрать, – парень усмехнулся и сощурился. – Мне любопытно, как неадекватные малолетки получают доступ к оружию? Это же явно дыра на полотне общественной морали. Нонсенс. И нам по ящику втирают о безопасности? Этот Стивен Вест, или как его там звали, просто зашел в здание школы и просто начал вечеринку. Нормально? Это ни хрена не нормально. Что мог сделать охранник против карабина?

Леон на это только пожал плечами.

– Почему тебя это так зацепило? По всему миру такое случается.

– А ты, Коннор, смотрю, какой-то спокойный сегодня. Умиротворенный, как мертвый уж. Что-то произошло? – от цепких глаз Артура впредь не ускользала ни единая мимическая морщинка товарища.

Леон заулыбался. Его лицо стало горделивым.

– Похоже, старик, у меня будет свидание в субботу, – сообщил он.

– Шутишь?!

– Не-а.

– Она слепая, глухая или какой-то другой диагноз?

– Да пошел ты, Артур, – парень обиженно надул губы и отвернулся.

– Да ладно тебе. Я же не всерьез, – Тэйт похлопал помрачневшего товарища по плечу. – Рассказывай. Что за леди, где нашел?

– Ее зовут Анна Марэль. Она увидела меня среди подписчиков одного из сообществ в «Хэппихай», и решила познакомиться, – Леон вынул из кармана мобильный и продемонстрировал Артуру фотографию, сохраненную из ее профиля.

– Какая-то она слишком красивая для тебя, – крикнул насмешливо тот.

Но на этот раз Коннор не обиделся. Он понимал, что парень просто завидует, ведь у него до сих пор не было ни одной девушки.

– Кстати, я ее видел, – через некоторое время молчания сказал Тэйт.

– Где?

– Не знаю. Знаю, что видел. Возможно, это дочка знакомой моей кузины. Лицо ее точно запомнил.

– Может быть. Анна сказала, у нее есть родственники в

нашем городе.

– И у вас... типа все серьезно? – голос товарища загадочно вильнул.

– А ты посмотри, – Коннор продолжил листать фотографии в галерее телефона. Он показывал другу все, что успел сохранить сегодня до поездки в торговый центр.

– Ничего себе! – Глаза Артура увеличились до рекордных размеров и едва держались напряженными веками. Леон заметил, как парень засопел и тут же убрал мобильный в карман брюк.

– Руки на стол, старик, – пошутил он. – Мадам занята.

– Чем ты ее привлек?!

– Это что, Артур, возмущение?

– Нет, идиот. Это удивление. Я не верю, что такой мешок дерьма достоин чего-то прекрасного, вроде пышных сисек этой твоей Анны.

– Я тоже не верил. Как видишь, бог меня все-таки любит. – Леон заулыбался во весь рот.

– А это точно не какая-нибудь интим-модель? Ты проверял? Что, если это Мэри решила над тобой поиздеваться? – Лицо Тэйта помрачнело. Он задумался, сведя брови над переносицей.

– Точно не Мэри, – отмахнулся Коннор. – У Мэри давно бы кончилось терпение. К тому же, они совершенно разные. Анна очень добрая, милая, кое-где даже наивная.

– Но ведь и раньше Мерилин создавала фейковые аккаун-

ты, если ты ее блокировал в перепалке.

– Да. Она создавала, добавлялась ко мне и сразу начинала источать негатив. В ее характере быть гневливой. Давить здесь и сейчас, не боясь никаких преград. Если бы я хоть нотку характера Мэри уловил в Анне, я бы, не задумываясь, прекратил общение.

– Ну гляди в оба, друг. Никому не доверяй. Особенно, красивым женщинам.

– Кстати, ты говорил про билеты в Берлин...

Парни продолжали активно беседовать посреди гудящего шума прохожих. Люди спешили внутрь торгового центра, кто-то спешил его покинуть, отправиться на парковку. Рой разнообразнейших фигур сновал туда-сюда, и никто из них не замечал старый выцветший клочок бумаги на столбе в паре сотен метров от мусорных баков за зданием.

Грязные рваные объявления почти полностью покрывали некогда висящую здесь листовку. Остался лишь крупный заголовок «Разыскивается», который когда-то был ярко-красным, а также, чуть ниже, на мусорники смотрела практически полностью размытая дождями фотография русоволосой симпатичной девушки.

«Анна Марэль. 16.07.2007»

Вдалеке, у стены соседнего здания, стоял мужчина в серой расстегнутой толстовке. Он специально выбрал место, не засекаемое камерами. Удачно неудачный угол. Ведь камеры здесь были повсюду, и мужчина хорошо знал, где.

Попивая кофе, Скелл наблюдал, как за столиком возле входа в торговый центр общаются двое молодых ребят. Вдруг к нему подошел еще один тип. В черной кепке, в меру худой. На шее подошедшего висел фотоаппарат.

– Скелл, – заговорил первым парень в кепке. – Давно не виделись. Развлекаешься?

– Подготавливаюсь к развлечению, – хмуро ответил тот. – А ты здесь по какому делу, Гость?

– Работа... Сегодня открытие скульптурной выставки. Джон отправил делать снимки для газеты.

– Ты такое любишь.

Гость пожал плечами:

– Не совсем моя сфера искусства. А еще в помещении просто отвратительный свет. Отвратительный. Но я мастер. Собственно, потому именно я здесь и никто другой. Из кучки манекенов в полутемной комнате я создам шедевр... Вот, что я люблю, Скелл. Кстати, твой выживающий здесь?

Мужчина в серой толстовке кивнул.

– Как насчет прелюдии? Люблю фотографировать их перед... дебютом. Их облик не источает подозрений. Он легкий и естественен... Кто на этот раз?

Скелл едва заметно качнул подбородком в сторону далекого столика у бара.

Его собеседник проследил за взглядом и разочарованно цокнул:

– Пожалуй, в этот раз я сделаю исключение. Твой сотый не

фотогеничен. Что ж. Удачно развлечься. Еще увидимся! – он всунул руки в карманы штанов и прогулочным шагом отправился мимо, а затем вовсе растаял среди мелькающих людей, будто дым.

Глава 7

Внезапный требовательный стук во входную дверь оборвал сон Пэгги Марэль.

«Кого там еще принесло?» – недовольно подумала она, сонливо потирая щеку. Незваных утренних гостей женщина ненавидела. И вовсе не потому, что она озлобилась после пропажи единственной дочери. Пэгги ненавидела тревожащих ее сон всегда.

Снова грохот.

– Иду! – рывкнула она, уже запахивая на себе длинный зеленый халат. На ходу расчесывая непослушные рыжие волосы, состриженные под каре, она спустилась вниз, в гостиную.

Сквозь матовое стекло в двери проступал размытый щуплый силуэт невысокого роста. Женщина открыла, и на нее тут же воззрились большущие голубые глаза Розалин – лучшей подруги Анны.

– Здравствуйте, миссис Марэль, – улыбнулась юная девушка и встревожено поджала губы.

– Что-то случилось, Роза?

Та дрогнула. Слова явно давались девчонке непросто. Нервно заведя длинные русые волосы за уши, Розалин, наконец, собралась с духом:

– Анна заходит в «Хэппихай».

– Что? – брови Пэгги хищно спустились на веки. Она по-

чувствовала, что злится, ведь этого не может быть. А если и может, то какому бездушному кретину только пришло в голову зайти на аккаунт погибшего ребенка?!

– Уже неделю я замечаю, что Анна в сети. Я писала ей, но она не читала мои сообщения, – девушка протянула свой мобильный телефон. На экране белела веб-страница «Хэппихай» с разделом «Друзья». Напротив имени Анна Марэль красовалась надпись: «Была сегодня в 3:15». – Вы знаете, мы с ней были близки, поэтому мне показалось правильным оповестить вас с мистером Марэль. Может быть... Может, стоит обратиться в полицию?

– Может?! – прикрикнула женщина и тут же виновато отвела глаза от перепуганной Розалин. – Нет, это обязательно нужно сделать. Сейчас же позвоню Тони. Спасибо за то, что сообщила, Роза. Зайдешь на чай? Я приготовлю оладьи.

– О нет, спасибо, миссис Марэль. Я обещала отцу познакомиться с его подругой... – девушка горестно выдохнула и заговорила тянущимся от неохоты голосом: – Поэтому мы поедem к ней и проведем счастливый семейный день...

– Милая, я понимаю твои чувства, – по-доброму ответила на это Пэгги. – Но твой отец уже много лет был одинок. Позволь ему стать счастливым, детка. Ты ведь уже взрослая и должна понять его.

Та печально улыбнулась и качнула маленьким квадратным подбородком. Скорее для того, чтобы миссис Марэль заткнулась и не лезла больше в неприятную тему. И это сра-

ботало.

Попрощавшись, женщина закрыла дверь и болезненно вздохнула. Сердце ее задавило так, что рефлекторно к груди потянулась рука.

Не сказать, что Пэгги была в восторге от Розалин. Женщина испытывала к ней полнейшее равнодушие до тех пор, пока не исчезла Анна. Просто дочь неплохих соседей. Порядочная, с хорошей успеваемостью в школе.

Но теперь что-то словно изменилось. Печать юности на симпатичном лице девочки напоминала Марэль дочь. Напоминала о том, что ей сейчас тоже было бы семнадцать. Она тоже бы хлопотала над подготовкой к выпускному, выбирала бы платье. Собирала бы документы в университет...

Невольно сорвались слезы. Захотелось разрыдаться и завывать волком. Прошел год, но рана утраты не затянулась. Она болит так же, как и тогда. Ни каплей меньше.

На втором этаже заиграл телефон.

«Как вовремя, – отметила женщина, вытирая мокрые глаза и спеша по лестнице вверх. – Надеюсь, это Тони».

И это действительно был он. После смерти Анны мистер Марэль утопился в работе. Он изменил график и теперь торчал на керамическом заводе с утра и до глубокого вечера. Приходил уставший, ел и сразу же заваливался спать.

Пэгги понимала: произошел сильнейший удар не только для нее, но и для супруга, поэтому каждый по-разному переживает горе. Однако, порою она ловила себя на мысли,

что слишком злится на Тони. Злится за то, что он предпочел оставить ее наедине с мыслями и с болью. В отличие от супруга, Пэгги не работала, а потому ей было сложнее отвлекать мозг от горьких мыслей. Она варилась в них. Нет, разваривалась. Разрушалась, расплзлась морально.

Однажды Тони вернулся домой и обнаружил Пэгги, рыдающей в пустой холодной ванне. Он впервые увидел жену настолько пугающе чужой и незнакомой. Она была похожа на серую старуху со взглядом решившегося суицидника. С тех пор мужчина, будучи на работе, часто ей звонил, хотел убедиться, что все в порядке. Кроме того, врач назначил рецептурные препараты для нервной системы, и мистер Марэль строго следил за графиком их приемов, ведь Пэгги запросто могла схалтурить.

Для женщины это было важно. Не контроль, а само проявление внимания. Ей стало не так одиноко, не так страшно оставаться в оглушающе тихом доме одной.

Вот и сейчас он звонит, чтобы проверить, и чтобы поддержать.

– Уже проснулась? – мягко заговорил он первым.

– Была вынуждена...

– Что с голосом, дорогая? Что-то случилось? Тебе грустно?

Пэгги тоже удивилась собственной хрипоте и холоду в интонации, но не подала виду. Она ответила:

– Приходила Розы. Подруга Анны.

– Так. А зачем?

– Она сказала, что... – голосовые связки женщины будто превратились в напуганных сжатых ежей. Она не сумела выдать из себя ни слова, пока не отвела мобильный в сторону и не прокашлялась. Тогда ее затошнило на нервной почве, но говорить она все же смогла: – Анна уже неделю выходит в интернет.

– Что за глупость?! Это вздор! Нужно поговорить с Розы. Это была жестокая шутка с ее стороны.

– Нет, Тони. Розы показала мне аккаунт нашей дочери. Он и правда был активен ночью. Какой-то ублюдок заходит под ее именем! Возьми выходной. Поедем в полицейский участок сей час же!

– Хм. Доступ к перепискам Анны имели только сотрудники полиции во время поисков. Это будет разумным решением, дорогая. Дождись меня, поедем вместе.

Глава 8

– Послушайте меня, мистер Прайд, – Тони возмущенно выставил указательный палец перед собой. – Мы бы не стали сюда тащиться, если бы все происходило именно так, как вы говорите. Нет, мы не пользовались компьютером дочери и не могли случайно оставить вкладку с ее аккаунтом в «Хэппихай» открытой! – мужчина был пунцовым, как клюква, от ярости. – Вы нас с женой за идиотов держите?!

– Успокойтесь, мистер Марэль, – спокойный, но строгий голос детектива не терпел ослушания.

Ему было около сорока, и за все годы своей работы он повидал много разнообразнейшего дерьма. Город всегда находил, чем удивить. В Городе часто происходили воистину странные вещи. Их не объяснишь людям и, тем более, вышестоящему начальству. Но Прайд был уверен: здесь, в земле или в воздухе – не важно, обитает нечто, что беззастенчиво накладывает свое клеймо на каждого жителя.

Например, Прайд точно знал, что некоторых пропавших без вести никогда не найдут. Почему? Потому, что они попросту растворились без следа. И полное безумие детективу списывать преступления на мистику или проказы инопланетян, однако других объяснений не находилось.

Конечно, он не верил ни в мистику, ни в инопланетян. И всякому коллеге, который начинал веровать в высшие силы,

он бы сказал что-то вроде: «мы просто плохо работаем, нужно стараться лучше, ведь люди не исчезают бесследно», однако...

Лет двадцать назад он гнался за преступником. Застал его прямо на месте расправы над жертвой. Они виляли по ночным улицам. Один настигал второго, второй резко сворачивал в темный переулок и ускорялся. Молодому и тренированному Прайду становилось все труднее и труднее. Они пересекли район, но убийца даже не запыхался. А потом он вообще остановился у фонаря перед трассой, и принялся поджидать отстающего задыхающегося детектива. Прямо под носом у полицейского тип резко осыпался вниз, сквозь щель дренажной решетки для водостока.

Тогда Прайд не знал, что писать в отчете и что говорить коллегам. Сказал, что потерял...

Еще участок регулярно навещали сомнительного вида незнакомцы. Они общались исключительно с руководством, вследствие чего некоторые «висяки» внезапно закрывались.

Детектив никогда не интересовался, кто эти люди. Он вообще никогда не лез в дела, которые его не касались. Чтобы быть целее.

Все, чем интересовался Прайд – его работа. Он выполнял все, что от него требовалось без какой-либо самостоятельности. А с возрастом даже то, что требовалось, выполнял неохотно и без профессионального углубления.

Сейчас он смотрел на искаженные злостной гримасой ли-

да Марэль, и был уверен: парочка сама себе морочит голову. Горе подкосило их, ведь никакой родитель не желает мириться со смертью ребенка.

– Чего вы хотите от полиции? – выдохнул он, закатив глаза.

– Мы хотим, чтобы вы выяснили, кто заходит от лица Анны! – выступила к столу, за которым сидел детектив, Пэгги.

– Дальше что?

– Чтобы урод понес наказание, естественно!

Прайд снова вздохнул:

– Вы уверены в том, что не пользовались интернетом через компьютер дочери?

– Да мы в ее комнату не заходим даже, черт побери! – рывкнул Тони так, что стекла в окне кабинета дрогнули.

– Хорошо, я понял. Давайте так: мы сделаем это. Я попрошу ребят проверить аккаунт Анны Марэль. Так мы выясним, где находилось устройство, с которого в последний раз был совершен вход. Вам спокойнее, миссис и мистер Марэль? – мужчина пристально посмотрел в глаза сначала Пэгги, затем Тони.

Те закивали.

– Вот и славно. Уже из полученной информации будем думать, что делать дальше. А сейчас попробуйте расслабиться и отдохнуть. Я позвоню вам, когда что-нибудь прояснится.

– Спасибо, детектив Прайд, – шмыгнула носом миссис Марэль. Женщина поднесла к глазам легкий белый платочек

и принялась вытирать набежавшие слезы.

Супруг погладил ее плечи, и повел к выходу. Кивнув на прощание Прайду, мужчина закрыл за собой дверь кабинета.

Все это время напряженный детектив смог, наконец, расслабиться. Он закрыл глаза и развалился на стуле. Его и без того терзали два нераскрытых преступления, а тут он вынужден расплыться еще и на глупости.

Задумчиво он громко втянул в себя остывший кофе из любимой чашки. Затем поднялся и совершенно нехотя отправился к коллегам-специалистам по сетям.

«Быстрее начну – быстрее закончу».

В доме Марэль телефонный звонок раздался этим же вечером. Пэгги как раз готовила салат к ужину, и едва не отрезала себе палец, когда заиграла мелодия. Женщина сразу же ответила, застыв в трепете и волнении, словно гончая в стойке. Сразу же рядом возник и Тони. Он тоже едва не звенел от напряжения.

– Миссис Марэль... – донесся размеренный, слегка тянувшийся голос Прайда.

– Да? Вы узнали? Узнали, кто это?!

– Узнали... Боюсь, ответ вам не понравится.

– Поче... почему?!

– В последний раз на аккаунт вашей дочери заходили из вашего дома. С вашего компьютера.

– Вздор! – задрезжала Пэгги в истерике. Она почувство-

вала, что дрожит.

Мобильный вырвал из ее похолодевших рук Тони. Свирепо нахмутив косматые черные брови, он закричал:

– Вы просто не хотите этим заниматься, да?! Вам просто плевать!

– Перестаньте орать, мистер Марэль, – с непреклонным холодом ответил на это детектив. – Я сделал то, что вы просили. Наши люди проверили местоположение устройства. И это точно ваш дом и ваш компьютер.

– Это невозможно! Вы понимаете? Невозможно!

– Знаете, я думаю, что возможно, – интонация Прайда стала какой-то язвительно лукавой. – Я представляю, как нелегко отпустить единственного ребенка. Вполне естественно, если возникают... некоторые потребности в том, чтобы восполнить зияющую дыру утраты...

– Вы хотите сказать, что это кто-то из нас?! Снова хотите нас обвинить?!

– Мистер Марэль, нам известно о психологических проблемах вашей жены. Советую вам сесть и обсудить произошедшее за чашечкой чая. Или что вы там любите?..

– Я требую доказательств! У вас найдутся подтверждения того, что на аккаунт Анны заходили из моего дома?!

– Ну разумеется. Я пришлю вам подтверждение от провайдера по электронной почте. Все еще актуален ваш старый адрес?

– Да... – Тони внезапно ощутил себя испытываем до капли.

Сухим и хрупким, будто соломинка. Он дальше не слушал, что говорит ему Прайд.

Кое-как попрощавшись, он сокрушенно опустился на кухонный стул и отложил телефон. Его налитый отчаянием взгляд устремился на жену. Та стояла, как заочеченелая. Плечи женщины сильно поднялись вверх, зажав шею, а пальцы ритмично теребили низ домашнего халата. Она не плакала и, казалось, даже не дышала.

– Пэгги, – прошелестел мужчина едва слышимо. Женщина перевела на него ошарашенный взгляд. – Пэгги, признайся мне. Это ведь ты заходила в профиль Анны?

– Что?! – женщина едва не потеряла челюсть на полу. – Я?! Да как ты можешь...

– Дорогая, нам обоим сейчас очень трудно...

– Это не я! – по ее щекам обильно заструились слезы, унося за собой частицы туши для ресниц.

– Я целыми днями на работе. Ты же находишься дома сутками. Я пойму тебя. Нет ничего страшного в том, что ты делала. Ты скучаешь...

– Это не я, Тони! – миссис Марэль завизжала. Она схватила со стола салатницу и с силой швырнула в стену. Та разлетелась вдребезги, осыпав паркет мелким сверкающим стеклом. На стене же осталась царапина с топорщащимся куском светлых обоев. – В последний раз она заходила в три ночи! Откуда мне знать, что ты не запирался в ее комнате, пока я спала?!

– Ты несешь бред, – обвинение вызвало у Тони приступ негодования. – зачем мне запираяться в комнате Анны? Зачем мне ее переписка?

– А мне зачем?!

– Ты ведешь себя странно, Пэгги. Я не исключаю, что ты бы хотела просто поностальгировать.

– Я не больная, чтобы лезть в личную переписку умершей дочери! А ты мог бы запросто. С тех пор, как она пропала, ты ни разу не скорбел о ней! Ты просто бросил меня и начал больше работать. Знаешь, сколько среди таких психопатов извращенцев, которые по ночам покидают супружескую постель и идут ловить малолеток на улице?!

– При чем здесь психопаты, Пэг?!

– При том, что ты тоже получил травму. И я не удивлюсь, если именно ты заходишь на ее аккаунт, чтобы... чтобы вытворять что-нибудь отвратительное!

– Пэгги! Успокойся! Ты перегибаешь! – Тони попытался коснуться супруги, но та от души саданула его локтем.

– Ублюдох! Не трогай меня!

– Уймись! – Мужчина встал и сквозь череду ударов обхватил жену и сдавил кольцом, прижав ее руки по швам. Пэгги зарыдала. Она успела рассечь ему ногтями бровь и попала пальцем в глаз, но Тони терпел.

– Может ли кто-нибудь с улицы забраться в комнату Анны? – глотая слезы, спросила женщина. – Я закрывала окно. Это совершенно точно. Возможно ли открыть его снаружи?

– Нет, – замотал головой мистер Марэль. – Точно нет. Там даже ручки нет.

– Но ведь и через парадную дверь и черный выход тоже никто не мог проникнуть. Мы запираем... А что, если у кого-то ключи? Помнишь миссис Лорис? Она приходила кормить нашу кошку Банни лет пять назад. Что, если...

– Пэг. Дыши глубоко. Вдох... Выдох... Вдох... Выдох. Пойдем осмотрим комнату Анны? Если найдем там что-нибудь подозрительное, то позвоним детективу Прайду.

Женщина кивнула и только тогда Тони ее отпустил. С большущим недоверием. Вместе они отправились на второй этаж, где спальные комнаты располагались напротив.

В комнате Анны все осталось точно таким же, каким было при ее жизни. На застеленном бардовом диване в ряд восседали игрушки, а на розовых стенах всюду висели постеры с изображением любимых музыкальных групп. На белом столе покоился широкий монитор и клавиатура с мышкой.

– У Анны никогда не было такого порядка на столе, – Пэгги с печальной улыбкой предалась воспоминаниям. – Все время валялись какие-то тетрадки, блокноты. Теперь здесь словно стало холоднее. Так... пусто.

Тони прошел глубже в комнату. Он осмотрел запертое окно, проверил следы на ковролине. Также провел пальцами по столешнице.

– Пыли нет, – заметил он.

– Конечно, я ведь ее каждый день вытираю, – обиженно

отозвалась миссис Марэль. – Все-таки здесь много мягких игрушек, одежда в ее шкафу. Я не могу позволить, чтобы комната нашей девочки пылилась.

– Ничего подозрительного я не нахожу. – Тони взял в руки клавиатуру, повертел ее и положил обратно. Затем он включил компьютер и дождался, пока загрузится рабочий стол.

Никаких автоматических входов в интернет со вкладкой «Хэппихай» не происходило. Более того, когда мужчина намеренно зашел в браузер и ввел в поисковой строке социальную сеть «Хэппихай», система затребовала от него авторизации для входа в аккаунт.

– Ты знаешь логин и пароль Анны? – неуверенно спросил у супруги мужчина. Та мотнула головой. – Ну вот. Я тоже без понятия. Это какая-то ошибка.

– Давай завтра я подойду к Розе, и мы посмотрим, была ли Анна в сети сегодня?

– И что, если вдруг была?

– Мы позвоним детективу Прайду.

– Чтобы он послал нас? Или снова обвинил?

– Тони, на этот раз мы сутки будем вдвоем. Опечатаем комнату. Если на утро окажется, что Анна была в сети, у нас будет доказательство того, что это не я и не ты. Прайд не сможет отвертеться.

Глава 9

На утро полоска из бумаги, которой опечатали комнату Анны, осталась нетронутой. Пэгги и Тони переглянулись, подарив друг другу нервную улыбку.

– Дело за малым, – погладил щеку жены мужчина и начал спускаться вниз, на кухню. Он собирался на работу.

Миссис Марэль спустилась вместе с ним и начала готовить быстрый завтрак: яичницу с зеленью и купатами. Вскоре вся кухня наполнилась приятным сочным ароматом шкворчащего мяса.

Утреннее солнце заглядывало в окна сквозь салатовые кроны деревьев, пророча безоблачную ясную погоду на этот день. Казалось, будто сегодня совсем не вторник, а утро субботы.

На душе у женщины почему-то стало невероятно спокойно и хорошо. Возможно, настроение повышали солнечные лучи, а может она просто отлично выспалась – Пэг сама не могла объяснить, в чем дело. Она просто выдохнула весь вчерашний скандал.

Накрыв стол, пока Тони брился в ванной, женщина осторожно смела осколки салатницы и выбросила их в мусорное ведро, стоящее под раковиной. Бедрa начали ритмично покачиваться в такт задорной музыке, играющей в голове. Пэгги хотелось танцевать. Хотелось заражать всех в округе стру-

ящимся позитивом. Нет, сегодня точно не будет плохих новостей.

– Ты сияешь сегодня, – улыбнулся мистер Марэль, выйдя из ванной и на ходу вытирая белым махровым полотенцем короткие черные волосы. Он сел за стол и с аппетитом взглянул на симпатичную порцию, украшенную колечками свежего зеленого лука. – Красота. Что-то произошло, а я не знаю?

– Нет, – его супруга легко юркнула за стол. – Просто чувствую, что сегодня будет отличный день.

– Хотелось бы верить. Очень вкусно, дорогая. Спасибо за завтрак.

– Думаю, после общения с Розалин, я поеду в торговый центр за продуктами. Хочу погулять и развеяться.

– Конечно, – Тони почти покончил с яичницей. Он заглазывал пищу, словно чайка. – Только позвони мне после разговора. Я все еще нервничаю.

Спустя несколько часов Пэгги отправилась к Розе. Девочка жила всего в двух домах от них. И она еще спала, но Марэль это не волновало. Женщина постучала в алюминиевую бурую дверь с зеленым витражным стеклом по центру. Ей открыл Дарен, отец Розалин.

Темноволосый мужчина лет тридцати пяти был в домашних штанах и с зубной щеткой за щекой. Он окинул Пэгги вопросительным взглядом.

«А он в чертовски хорошей форме!» – застыла та. Она даже не сразу поняла, что молчит уже несколько секунд и просто пялится на соседа.

– Да? – наконец, он первым решил начать разговор. – В чем дело, Пэг?

– Ой, – женщина дернулась. – Извини, Дарен. Я пришла к Розе.

– И зачем? – мужчина приподнял строгую бровь.

– Она не рассказывала? Про Анну.

– Не рассказывала что?

Марэль замялась и нервно одернула низ голубой блузки, которую надела под белые классические брюки.

– Розе вчера сообщила о том, что кто-то заходит в интернет от лица Анны. Я бы хотела узнать, заходил ли этот кто-то сегодня?

Дарен вытащил щетку изо рта и присвистнул:

– Ничего себе. Это серьезно. Розе спит, но я сейчас поднимусь к ней, толкну.

– Я войду? – Пэгги с улыбкой поправила пышную шевелюру.

– Э-э-э... Не стоит. У меня тут бардак, так что... Я быстро, Пэг. – Мужчина закрыл дверь прямо перед носом у недоуменной женщины.

«Чего это он?» – подумала она.

Вскоре дверь снова отворилась, и на порог выступила сонная Розалин в бледно-розовой пижаме.

– Здравствуйте, миссис Марэль, – протянула она почти зевая. Девушка достала телефон и зашла в «Хэппихай».

– Ну что там? Была она? – позабыв про всякое приветствие начала Пэг. Женщина не заметила, как подошла к Розе практически вплотную, желая увидеть все своими глазами.

К ним вышел и Дарен. Он уже накинул на себя черную майку, которая отлично подчеркивала его тренированное тело. Особенно, грудные мышцы и мышцы рук.

– Написано, что не была, – Роза показала телефон Марэль.

– Как хорошо, – выдохнула та и просияла открытой улыбкой. – Спасибо, милая! И тебе, Дарен. Это прекрасные новости. Что ж... Хорошего дня!

Поспешно постукивая каблуками белых туфель-лодочек, Пэгги отправилась прочь. Дарен и Розалин посмотрели друг на друга.

– Она очень странная, Роза, – тихо сказал дочке мужчина. – Мне будет спокойнее, если ты начнешь держаться от семейки Марэль подальше.

«Это многое объясняет! – размышляла Пэг, ускорено шагая по тротуару мимо соседских домов. – Тони всю ночь провел со мной. И на аккаунт Анны никто не заходил. Вывод напрашивается сам собой!»

– Ублю-юдок, – протянула женщина и набрала номер телефона мужа.

– Привет, – после первого гудка ответил тот. – Ну что?

– Это ты! – ухмыльнулась в трубку женщина. – И больше нет смысла отпираться, дорогой.

– Что? Я не понимаю тебя.

– Анны сегодня не было в сети. А все потому, что ты был всю ночь со мной!

– А может, это ты? Ты ведь тоже со мной пробыла всю ночь! – съязвил мужчина. – Тебе не кажется, что ты сходишь с ума? Катишься к безумию?!

– Давай сегодня повторим эксперимент? Точно так же запечатаем комнату и не будем спать.

– Если тебе так будет спокойнее...

– Да. Будет. Я уже подошла к остановке. Позвоню позже.

Как только женщина прекратила звонок, к остановке подъехал автобус, который направлялся в торговый центр «Голденская» – не слишком популярный, но самый близкий к дому Марэль.

В это время дверь со стороны заднего двора на участке семейства Марэль открылась. Пэгги точно закрывала ее, как и парадную дверь.

Мужчина в серой толстовке с капюшоном спокойно вошел в дом. Еще на пороге он снял подошву со своих особенных кроссовок, и нацепил новую, чистую. Старую же забросил в рюкзак, который тут же отправился на плечо.

Скелл не бился в спешке, он был совершенно спокоен. Уверенность в себе и в ситуации не позволяла ему совершать лишние движения. Может, этому поспособствовал много-

летний опыт...

Он поднялся на второй этаж и остановился у двери в комнату Анны. Та все еще была опечатана. Потерев покрытые клеем пальцы, он мягко коснулся светлого дерева, и полоска бумаги сама отошла от косяка одним из приклеенных краев. Дверь отворилась, пропустила мужчину, и заперлась заново. Край бумаги вернулся в исходное положение, будто никогда не отклеивался.

Включив компьютер, Скелл, не глядя, ввел в строки логина и пароля на «Хэппихай» абсолютно случайные наборы цифр и букв, однако система все равно позволила ему авторизоваться под именем Анна Марэль.

Первым прилетело сообщение от Розы:

– Кто бы ты ни был! Родители Анны в курсе твоего кощунства. Покинь профиль Анны или тебя ждут большие неприятности!

С холодным видом Скелл проигнорировал это письмо. Его больше интересовало общение с другим человеком, диалоги с которым он регулярно чистил.

– Привет, Леон! А я уже потихоньку собираюсь к тебе. Ждешь? – напечатал он и приукрасил письмо счастливым смайликом, совершенно не соответствующим его лицу в данный момент.

– А то! – ответил довольный Леон. – Пришли мне что-нибудь сладенькое, детка!

«Сладенькое... детка...» – Скелл в отвращении припод-

нял верхнюю губу. Но он должен был подкормить интерес... Благо, материала интимного характера у Анны было навалом.

Примерно через час парадная дверь дома с щелчком открылась. Громко чеканя каблуками, в дом вошла Пэгги. Зашуршали пакеты, набитые всяческим. Для Скелла это был явный сигнал уходить. По крайней мере до ночи. Почистив историю браузера, выключив компьютер, мужчина ловко и аккуратно вылез в окно, прихватив с собой все свои вещи. Он грациозной тенью спрыгнул со второго этажа, не издав никакого лишнего шума. Створа за ним закрылась, и ручка на раме провернулась сама, запираясь.

– Что это было? – миссис Марэль замерла, услышав едва различимый глухой стук рамы. Она тут же бросила продукты и помчалась к комнате дочери. Сорвав полоску бумаги, женщина ворвалась внутрь и застыла. Она прислушивалась.

Ничего...

Тогда она подошла к окну: оно было заперто. Внизу тоже никого.

«Может, послышалось? Может, это были голуби?»

Недоверчиво хмурясь, Пэгги присела на стул.

«Когда-то здесь сидела она. За этим столом... Играла, общалась в сети с друзьями, слушала музыку...» – Женщина ощутила, как заныло в груди. Внезапно она осознала: стул был теплым.

Прикоснувшись к небольшому системному блоку, Марэль

с ужасом почувствовала, что тот не остыл. Кто-то явно был здесь и пользовался компьютером.

В панике Пэгги сорвалась с места и побежала вниз, где на столе оставила мобильный телефон. Трясущимися пальцами она набрала супруга.

– ТОНИ! – закричала она.

– Боже, Пэг! – испугался тот. – Что случилось?

– Кто-то был в доме! Кто-то проник в комнату Анны!

Мистер Марэль тяжело вздохнул:

– С чего ты взяла?

– Я вернулась и услышала стук оконной рамы! Прибежала в комнату, а там горячий компьютер и стул!

– А окно открыто?

– Нет...

– Ну и как, по-твоему, злоумышленник будет закрывать за собой окно? У нас только с одной стороны ручка.

– Я клянусь! Здесь кто-то сидел!

Женщина снова вернулась в комнату дочери и, став на колени, прильнула носом к сидению. Она глубоко втянула ноздрями воздух.

– Что ты делаешь, Пэг?

– Тут пахнет кем-то чужим, Тони!

– Чем пахнет?!

– Я не... я не понимаю. Но это чужой запах.

– Черт побери, ты можешь описать?!

– Нет! – женщина зарыдала. – Почему ты не веришь мне?!

– Потому, что не бывает такого. Дверь была опечатана, когда ты вернулась?

– Да...

– Ну вот. Тебе показалось, Пэг. Прими таблетки и отвлекись. Посмотри свой любимый сериал, не думай об этом.

Женщина проглотила слезы вперемешку со склизким комом из носоглотки, и выдохнула. Успокоившись. Она закивала, хоть Тони и не видел этого.

– Хорошо... Хорошо, дорогой.

– Вот и умница. Мне нужно работать. До вечера. – Тони отключился.

Но телефон тут же затрезвонил снова. На этот раз звонила Розалин. Все нутро Пэгги опять сжалось до точки.

– Привет, Роза, – неуверенно поздоровалась женщина.

– Здравствуйте, миссис Марэль. Анна... она была в сети двадцать минут назад. Вы дома?

– Да, я дома. Прямо в комнате Анны.

– Это вы заходили?

– Нет! Конечно нет! Я услышала стук и пришла проверить. Но здесь никого.

– Стук?

– Да... В комнате Анны хлопнуло окно, но никого не оказалось в комнате. И под домом тоже. Но стул и компьютер ее еще не остыли. Я думаю, что... кто-то сидел прямо здесь.

– Ничего себе! Вы уже сообщили в полицию?

– Еще нет, Роза.

– Обязательно позвоните им. Пусть приведут кинологов, пока след свежий.

– Я тоже думаю об этом, – Пэг солгала. Она совсем забыла про существование собак-ищеек, хотя их задействовали при поисках Анны. Но согласится ли детектив Прайд выделить человека для исследования комнаты без весомых улик? Он непоколебимо уверен в том, что преступления нет, что кто-то из Марэль регулярно тревожит профиль дочери.

– Что ж, удачи вам, миссис Марэль, – спустя короткую паузу попрощалась Розалин. – Я буду пристально следить за активностью аккаунта Анны.

– Спасибо, – отстраненно произнесла Пэгги. Она была занята размышлениями о собаках. – Спасибо, Роза. Пока.

«Нет, мне откажут, – мысленно заключила женщина. Она стала в дверном проеме и склонила голову сперва на одну сторону, затем на другую. – Но я могу попросить Тони установить камеру. И если этот гад попадется, то больше никто и никогда не посмеет усомниться в словах Пэгги Марэль».

Глава 10

Без Артура Леону было невыражаемо одиноко. Ему не с кем было играть по вечерам. Анне было не до игр. Она даже в «Хэппихай» заходить стала гораздо реже. Парень невольно начинал ревновать. А что, если у нее появился кто-то?

Но девушка убеждала его в том, что просто занята: родители попросили помочь с некоторыми делами взамен на поездку в Город. Тогда, в подтверждение чувств, Леон требовал развратную фотографию, и, конечно же, получал. Анна была такой сговорчивой, будто ужасно боялась поссориться. Это очень нравилось парню. Он ощущал некоторую власть и не стеснялся манипулировать и играть на собственной важности в ее глазах. Он мог просить о чем угодно. Мог просить показать ему, что угодно... Анна подчинялась.

– Хорошая девочка, – сквозь голодную улыбку облизнул губы Коннор, получив очередное изображение Марэль без трусиков.

Парень сидел на не заправленной постели. В спальне царил полумрак – Леон с утра не открывал плотные темно-серые шторы. Ему было попросту лень. Как и лень наводить порядок, хотя давненько уж требовалось. Простынь уже более месяца рисовала желтоватый силуэт Леона, как та Туринская плащаница. А еще парень забыл, когда носил в последний раз светлые носки, потому что они чернели сразу же

после первых шагов, а от этого Леону становилось стыдно. Он не любил видеть грязь на своих вещах, а потому надевал то, на чем грязь была менее заметна. Когда-нибудь он обязательно приберется. Обязательно! Перед приездом матери, например...

Пока он был сам себе господином. Его никто не видел и не смел осуждать. Ни за лень, ни за бездействие, ни за рукоблудие. Он был свободен и счастлив в полной мере.

Приближая и внимательно рассматривая гладкие раскрытые прелести Анны, Леон полез второй рукой к себе под шорты. И вот, казалось бы, сейчас настроение станет еще лучше, но неприятный звук оповещения в «Хэппихай» вынудил парня отвлечься.

– Нет, только не ты... – простонал Леон. К нему в друзья добавлялась Мерилин. – Зачем ты меня разблокировала? У меня ведь все было так хорошо.

Не дожидаясь одобрения со стороны парня, Мэри написала первой:

– Привет. Слушай, возможно я слишком много негатива вылила на тебя. Просто хочу, чтобы у тебя все выходило складно. Я забочусь о тебе, понимаешь?

Поднявшееся настроение тут же опустилось, и Леону пришлось вынуть руку и начать писать ответ:

– Да, я понимаю, Мэри.

«Отошла что ли? Лучше бы пропала нахрен. Навсегда», – думал он при этом.

– Тогда, может, увидимся на выходных?

– Нет.

– Почему?

И тут Коннор почувствовал, что может ответить Мерилин что угодно. Он может окатить ее дерьмом с ковша, задеть самооценку, высказать все, что думает. Потому, что у него теперь есть Анна. Та, которая будет его боготворить, что бы он ни рассказал. Зачем ему еще кто-то? Тем более, кто-то, кто только и выжидает момента опустить тебя с небес на землю.

– В субботу я встречаюсь с девушкой, – гордо ответил Леон.

Некоторое время Мэри не отвечала. Парня обдало жутким холодком, волосы зашевелились на его затылке. Он предвкушал лавину гнева.

Но вскоре она написала:

– Рада, что у такого, как ты, появилась девушка. Это точно не чей-то подкол? Покажи ее.

«Да что все они заладили?! Я же совсем не плох!»

– Не покажу. Не хочу, чтобы ты к ней лезла и мешала.

– Я хоть когда-нибудь лезла к твоим подружкам?! – гневный возглас снова пронзил сознание Леона. Он не хотел его слышать, но, как обычно, мозг сыграл с ним злую шутку.

– Знаешь, что? Я не хочу терпеть твои постоянные злобные всплески, – напечатал он. – Ты не разрушишь мои отношения.

– Мне это не надо, идиот! Не хочешь показывать – не по-

казывай. Боги... Нашел проблему.

«Конечно, я могу не показывать. Ты сама попытаешься ее найти среди списка моих друзей. Ты же любопытная стерва, Мерилин!» – Парень поспешно вошел в настройки приватности и скрыл Анну Марэль от всех глаз, кроме его. Теперь ни один друг не увидит ее в списке.

Затем Коннор помял пальцы и, собравшись духом, написал:

– Ты редкостная сука, Мэри.

– Вот как? Хорошо, неблагодарный кретин, я могу прекратить наше общение навсегда.

– Катись-катись.

Леон даже посмеялся. Невероятно приятная волна адреналина пробежалась по его телу. Он сумел нахамить ей! Впервые в жизни он смог. И ни капли не сожалел.

– Ты лишняя в моей жизни, Мэри, – сказал он вслух, когда увидел, что девушка его вновь заблокировала.

Он выдохнул с таким облегчением, словно с него стащили гигантский тяжелый валун, и рухнул плашмя на кровать. Некоторое время белокурый парень просто улыбался потолку, наблюдая за тусклыми солнечными зайчиками, прорвавшимися и сквозь ветви дерева у дома, и сквозь штору. Теперь он знал точно: все наладится.

Глава 11

На закате Леону вздумалось скататься в «Сезам» и купить новую рубашку к свиданию. Оставался всего день, и завтра, скорее всего, ему будет не до шопинга.

Парень уже набросал на листке бумаги сценарий, согласно которому планировал действовать в субботу. Там было все необходимое: реплики, позы, походка, описание интонации, с которой успеха точно не избежать. Настолько ему хотелось произвести незабываемое впечатление на Анну.

Втиснувшись в переполненный автобус, Леон уже репетировал в голове:

«Ваш боец здесь, миледи. Говорю ей это и вручаю цветы. Большой красный букет. Или белый. Черт. Я даже не спросил, какие цветы ей нравятся и что ей нравится в принципе». – Глаза Леона мельтешили из стороны в сторону, пока он, целиком погруженный в фантазии, пялился сквозь сидящего напротив паренька лет тринадцати. Тот заметил столь пристальное внимание и скорректировался, словно пытался спрятаться от жутковатых глаз за собственными плечами. Но время шло, автобус ехал, а Леон продолжал буравить дыру в подростке.

Не выдержав, тот вскочил и поспешил продавиться между плотно стоящими телами к дверям, чтобы выйти на ближайшей остановке. Только тогда Леон моргнул и вернулся в ре-

альность. Рядом стоящая женщина с большим круглым животом, попыталась сесть на освободившееся место, но прямо перед ней в кресло плюхнулся объемный зад Коннора. Парень рухнул с такой силой, что задел беременную и едва не лишил равновесия.

– Разве так можно?! – возмутилась она, ухватившись за поручень.

Леон посмотрел на нее пустыми бесконечно снующими туда-сюда глазами и ничего не ответил. Видимо, женщина осознала, что с ним конструктивного диалога не получится, потому фыркнула, поправила задравшийся низ туники-разлетайки, и с недовольным видом впредь глядела только в окно, на мелькающие дома и деревья.

«Постоишь. Авось спиногрыз быстрее выйдет», – усмеялся про себя парень, затыкая уши наушниками. Вскоре зазвучала одна из его любимых песен, от которой захотелось закрыть глаза. Он представил, как Анна целует его. По-настоящему. Как они прикасаются друг к другу. Это все невероятно будоражило.

«Нужно сделать побольше совместных фотографий, – думал Леон. – Покажу Артуру и установлю в профиле, чтобы Мэри видела и пенилась от злости. Я же знаю, что ревность ей жить не даст. Задушит».

Прошло еще минут пятнадцать, и Леон вышел на остановке неподалеку от парковки возле торгового центра. Солнце уже почти нырнуло за горизонт, и все стены зданий, их окна

и крыши были залиты насыщенным оранжево-красным цветом. Даже в преддверии сумерек людей у «Сезама» не становилось меньше.

Холл торгового центра на первом этаже поражал раздольем. Округлый зал был выложен натертой до зеркального блеска белой плиткой. Вдоль окружности располагались бутики, детские игровые комнаты и кафешки. Рядом непременно стояли лавки с мягкой синей обивкой.

Пройдя мимо всех дверей, Леон не нашел нужного магазина. Ему нужны были деловые рубашки, а здесь торговали либо любой одеждой, кроме рубашек, либо джинсами, либо обувью, либо сумками, либо косметикой...

Пришлось ждать лифт и подниматься на второй этаж – Леону очень уж не хотелось подниматься по лестнице. Он не любил лестницы, ведь в его доме нет лифта и подниматься на четвертый этаж ему всегда приходится пешком.

На втором этаже располагались, в основном, салоны красоты, парикмахерские и тату-салон. Из магазинов он нашел опять косметику и по соседству – духи.

«Может, мне набить татуировку? – он остановился возле тату-салона и нахмурил выдающиеся вперед брови. Перед ним пестрели плакаты с примерами эскизов, фотографии моделей с авторскими работами. – На двух кистях по АК-47».

Но парень так и не решился зайти. Кроме того, он предположил, что за день татуировки не заживут настолько, чтобы

хвастаться ими перед Анной. Да и... что скажет мама, когда придет?

Коннор побрел дальше. К лифту, чтобы отправиться на третий этаж.

Наконец-то! Бутик с костюмами и деловой одеждой раскрывал стеклянные двери прямо напротив лифта. Леон не мог нарадоваться, ведь ему совсем не хотелось кататься по всем четырнадцати этажам торгового центра. Да, в «Сезаме» было множество интересного. Огромное множество. И именно поэтому парню становилось слишком лень бродить, он уставал. И усталость эта была не столько физическая, сколько ментальная: много людей, постоянный шум и бесконечные подъемы по этажам изнуляли. Еще сильнее изгоняли всякую мотивацию к прогулке мысли о том, что и спустаться придется ровно столько же.

– Добрый вечер! – радостно воскликнул продавец-консультант, едва парень переступил порог. – Вы так вовремя зашли. Мы как раз закрываемся через полчаса. Но не волнуйтесь! Мы успеем подобрать для вас лучший образ!

Леону продавец не понравился. Это был худой молодой мужчина с дьявольской улыбкой и одержимыми карими глазами, нездорово сверкающими за стеклом удлиненных очков. Короткие коричнево-красные волосы его были взъерошены, будто он намочил их и забыл причесать. Однако, одет консультант был со вкусом: черные зауженные брюки, аккуратно вправленная белая рубашка и темно-бардовый гал-

стук. На запястье блестели широкие золотые часы. Они виднелись даже когда мужчина засунул руки в карманы, совершенно не под стать своему чопорному образу.

– А кто мы? – посмотрел по сторонам Леон.

Улыбка сошла с продавца. Тот подошел ближе и голос его стал ниже и тише:

– Ну я. Я... Все-таки, меня поставили сюда представлять бренд. Уже привычка говорить «мы». Так что? – он окинул Леона прохладным, но очень цепким взглядом. – Готовый костюм? Рубашка?

– Рубашка, – ответил парень.

– День рождения? Свадьба? Похороны?

– А на свидание можно что-нибудь подобрать? Или у вас только три варианта?

Консультант надменно хмыкнул и отправился к одной из витрин. Он вытащил перемотанную белой лентой квадратную коробочку, осторожно развязал ее бант и продемонстрировал Леону чистойшей белизны рубашку.

– Такой фасон есть также в голубом цвете, розовом, фиолетовом. Настоящий хлопок с шелковыми переплетениями. Никакой синтетики. Будет симпатично и не вульгарно поблескивать при искусственных источниках света. Примерьте, – мужчина приглашающим жестом указал на примерочную кабинку с толстой темно-синей ширмой. Голос его был таким уверенным и убедительным, что Коннору захотелось послушаться.

Сняв свою старую рубашку, уже посеревшую от времени и постоянных стирок, Леон посмотрел в зеркало внутри кабинки. Почему-то тут, стоя в полный рост, он казался себе толще, чем в отражении зеркала, висящего дома в ванной. Парень даже мысленно возмутился:

«Кривое зеркало. Растягивает фигуру. Я не такой, я знаю это. Я крепкий, но совсем не жирный. А еще здесь очень плохое освещение. Нет у меня складок внизу живота, это просто неудачные тени!»

Новая белоснежная рубашка села по фигуре идеально. Парень даже удивился тому, как одежда способна подчеркнуть широкие плечи и скрыть дряблые бока. Теперь он казался себе неотразимым, даже почти идеальным.

– Ну как? – нетерпеливо отозвался продавец.

– У вас глаз-алмаз! – посмеялся Леон, отодвинув ширму и представ на оценку перед консультантом. – Будто шили на меня.

Тот сперва оценивающе посмотрел на парня со всех сторон, а затем снова натянул улыбку:

– Сразу прикинул, что вам подойдет. Цвет устраивает?

– Я думал примерить голубую. Но в белом я просто неотразим!

– Да, неотразимы, – консультант безучастно поправил очки. – Что ж. Вижу, вы довольны. Рубашка вам подошла. Значит, вы ее берете. Итак, будет наличный расчет или рассчитаетесь картой?

– Картой, – сразу выдал Леон. Только потом, переодевшись, он спросил: – А сколько она стоит?

– Восемьдесят евро, но, так как вы последний покупатель, я продам вам этот шедевр за семьдесят пять, – мужчина стал у кассы и приготовил переносной терминал для оплаты. Его карие глаза вновь устремились на перекошенного от цены Леона.

– Дороговато, слушайте... – промямлил парень.

– Шутите? – насмешливо дернул уголком рта продавец. – Сколько, по-вашему, должна стоить достойная рубашка из натуральных волокон? Вы платите не просто за безукоризненный внешний вид. Вы платите за качество всемирно известного бренда «Мелолонта». Это престижный бренд. Известный факт, что наша продукция столь же долговечна, сколь и прекрасна. Сперва вы отправитесь в этой рубашке на свидание, затем в ней же отправится на свидание ваш сын, – мужчина подмигнул. – Никогда не экономьте на нужных вещах, если вы заинтересованы в их качестве.

Леон слушал консультанта, раскрыв рот и выпучив глаза. Он достал банковскую карточку из кожаного кошелька и медленно поднес к терминалу.

– Согласитесь, я ведь прав? – Продавец хищно улыбнулся, наблюдая за тем, как парень расплачивается.

У Леона снова возникло какое-то неприятное чувство, неприязнь к этому странному мужчине у кассы.

– Нд.. э-э... – протянул он что-то неопределенное в ответ.

– Ну вот, – довольно похлопал его по плечу консультант. Он принял рубашку и несколькими ловкими движениями профессионально сложил в коробку. Вскоре коробку уже оплетала нежная белая лента с бантиком. Мужчина вложил упаковку в темно-синий глянцевоый пакет со строгими красными буквами, гласящими: «Мелолонта». – Держите. Великолепный выбор. Уверен, ваше свидание пройдет незабываемо.

– С...спасибо.

Коннор взял пакет и поплелся к выходу. Его голова казалась забитой ватой. Мысли улетучились, вместо них звенела тишина. Пугающая тишина. Парень не мог сосредоточиться даже на кнопке лифта. Нажал он ее? Или нажал кто-то другой? Едет ли лифт?

Вскоре лифт все-таки приехал. Двери открылись, и Леон вошел в тесную кабину к женщине с дочкой. Перед самой отправкой к ним заскочила девушка. Худенькая и прямая, как бамбук, совсем невысокая. Она нажала кнопку первого этажа, но лифт не сдвинулся с места. Все переглянулись. Тогда девушка опять нажала кнопку, и опять ничего не произошло.

– Вы не понимаете? – Леон сам удивился тому, как раздраженно прозвучал его голос. – Перегруз у лифта. Выйдите.

Девушка удивленно посмотрела на маму с дочкой, а после на высокого полного Леона, мол, вы мне это серьезно? Она действительно была на втором месте по хрупкости телосложения после маленькой девочки, которая жалась к маме.

– Девушка, дождитесь свободный лифт. Перегруз, – повторил ей парень, возмущенно тараща беспокойные глаза.

Не желая разводить конфликт, она все-таки уступила и выскочила из кабины. Лифт плавно стал спускаться вниз. Коннор заметил, что женщина с ребенком смотрит на него, сдерживая смехок.

– Что? – недовольно насупился он.

Та мотнула головой, мол, ничего, и тут же отвернулась, прикрыв пальцами губы.

На первом этаже уже были включены все белые лампы. От их раздражающего свечения у Леона моментально началась мигрень. Он был счастлив поскорее выйти на улицу, где уже во всю царствовала ночь.

Кое-где светили желтые фонари, но они, в отличие от белых ламп, не доставляли дискомфорта. Шум от человеческой суеты сменился песнями сверчков. Это успокаивало парня, медленно идущего к автобусной остановке. Он любил летнюю ночную свежесть. В это время он мог прогуливаться и не чувствовать ткань, прилипающую к мокрой спине. Ему почти не приходилось потеть или пыхтеть от духоты.

Проходя мимо парковки, Коннор заметил мужчину в серой толстовке с капюшоном, стоящего у здания напротив и курящего сигарету. Вроде бы ничего необычного, тип да и тип, но все нутро парня внезапно пронзило от прямого взгляда незнакомца.

«Что с ним такое?» – напряженно подумал Леон. Он ста-

рался не смотреть в ответ, чтобы к нему вдруг не пристали. Еще сильнее накаляло ситуацию отсутствие других людей на остановке. Здесь могло произойти, что угодно.

Но тут подъехал полупустой автобус. Парень заскочил в салон, сел и с облегчением выдохнул. Тревога подобралась к его сердцу вновь, когда он выглянул в окно, но не увидел типа в толстовке.

В этот же момент рядом с ним кто-то сел. Кожу Леона будто обколото множеством ледяных иголок.

«Почему рядом со мной? В автобусе полно свободных мест! Только не смотри. Не смотри. Не смотри!!!»

Но он повернулся к соседнему сиденью. И узрел жуткие темные глаза, прожигающие его из-под капюшона. Паника, схожая с той, которую он ощущал в своем кошмаре, вновь захватила его от головы до пят.

Глава 12

Железная дева страха обездвижила Леона. Он не дышал, затаившись. Почти слился с сиденьем. Но откуда взялись эти эмоции? Почему этот незнакомец повергал в столь сильное напряжение?

Леон не мог себе этого объяснить. То краснея, то бледнея, он потел и молился о скорейшем завершении поездки.

«Он точно ненормальный, – в пульсирующей панике думал парень, чувствуя на себе взгляд соседа по сидению. – Он буквально жжется ледяным холодом. Что, если это не человек? Глаза у него гагатые, как у какого-то демона. Тьфу ты! Леон, что за глупости?! Какой нахрен демон?! Это тебе не гребанное фэнтези».

Тревожный ритм сердца колотился в ушах, в висках, отдавался эхом в затылок.

Наконец, Коннор заметил, что подъезжает к своей остановке. Знакомые ночные пейзажи за окном немного расслабили парня. Он с трудом сглотнул пересушенной глоткой и поднялся с места. Так же без происшествий Леон вышел из автобуса, а черноглазый мужчина в серой толстовке поехал дальше. Незнакомец даже не смотрел в окно. Леон не интересовал его.

«Ну и ну, старик, – парень вытер пальцами влажный лоб и крепче сжал ручки пакета. – Тебе показалось. Ему ты не

нужен. И с чего такая паническая атака, Леон? Нужно попить каких-нибудь маминых капель».

Дома он вынул купленную рубашку из коробки, накинул себе на грудь и повертелся у зеркала. Надевать ее снова было очень неохота.

Консультант не солгал: под светом лампы ткань действительно казалась жемчужной. Это придавало некой аристократичности образу, и добавляло Леону уверенности в себе. Он зачесал светлые волосы назад, и в тот час представил себя каким-то графом. Но фантазия продлилась недолго – Леону нравились эпохи посовременней. Потому он куда более вдохновенно вообразил себя представителем какой-нибудь мафии.

Леон открыл кран и увлажнил волосы. Затем состроил хищную мину в отражении. Дернув головой, он слегка растрепал зачесанные пряди и ухмыльнулся.

«Мне не хватает только автомата Томпсона 28-го года» – подумал он, придя к выводу, что хоть его отец и полный козел, но они с мамой отлично постарались создать такого красавчика.

А потом Коннор повесил рубашку на спинку кресла, и лег спать, предварительно написав Анне о том, что ее ждет приятный сюрприз при встрече. Ведь ей наверняка будет очень приятно прогуливаться под руку со столь видным кавалером.

Во сне Леон воевал посреди раскаленной пустыни. Он даже чувствовал, как ему жарко под громоздким шлемом и

толстым слоем обмундирования. Но, в целом, ему нравилось метко стрелять противникам прямо в голову, прячась за древней рухнувшей колонной некогда величественного египетского храма. А может и не египетского...

К парню, пригибаясь, подбежала миловидная напарница. Лицом она напоминала Анну, только вот волосы из-под шлема выбивались платиновые. Она по-доброму улыбнулась Леону.

– Ты забыл, – сказала она.

– Что? – не понял парень, перезаряжая автомат.

– Забыл надеть рубашку.

Леон удивленно посмотрел на себя, совершенно не представляя, как и зачем ему нужно надевать рубашку. О какой рубашке вообще речь? Когда он снова взглянул на напарницу, та уже держала в руках жемчужно-белый квадрат из ткани.

– Это ведь «Мелолонта», – продолжала улыбаться она.

– Что? Мы на позиции! Какая еще «Мелолонта»?!

Не меняясь в лице, девушка резко швырнула одеждой Леону в лицо. В глазах потемнело, и когда он все же смог освободиться, то увидел себя уже не в пустыне, а в мрачном заболоченном полуразрушенном поселении, окруженном черной чашей. Ночь смешивалась с густым туманом, стелящимся под ногами. Казалось, будто туман медленно и постепенно проглатывает все черные краски, затягивая их в себя и превращая в размытую серость.

Деревья в лесу стояли голыми и черными. Сухие и мертвые, они раскидывали колючие ветки в разные стороны, стараясь вцепиться ими в плотный влажный воздух и тяжелое облачное небо, чтобы хоть как-нибудь удержаться. Лес воплощал отчаяние последнего мига. Иллюзию жизни в усохших пустых стволах.

Леону стало не по себе. Он уже видел это болотистое место, пахнущее трясинной и лягушками. Холод намекнул парню на то, что тот одет не по погоде.

Проведя пальцами по гладкой приятной ткани на груди, Коннор обнаружил, что стоит в той самой злополучной рубашке из бутика. В рубашке и в черных брюках, в которых планировал встретить Анну Марэль!

«Кошунство! – первое, о чем подумал он. – Ходить по гнилым болотам в таком роскошном виде – кошунство!»

Парень пошел вдоль едва различимой тропинки между обвалившихся изб, и внезапно ощутил, как рубашка начала поджимать.

«Села что ли?»

Осмотрев рукава, он увидел, как ткань напряженно впирается в кожу и почти просвечивается.

«Когда она мне стала так мала?» – удивился Леон.

Он продолжал идти, пока ворот не начал душить. Тогда парень расстегнул две пуговицы на горловине и вскрикнул – манжеты больно натянули кожу на запястьях.

– Что за...? – он вытаращился на рукава. Ткань удивитель-

ным образом вросла в кожу. Без крови и потертостей. Рубашка словно стала новым слоем телесных покровов. Ощущаемым, родным и естественным.

Когда он попытался содрать часть ее ногтем, то почувствовал боль и обнаружил, как сквозь ткань проступает мелкая кровавая роса.

– Этого не может быть! – в испуге воскликнул он. Ощущение сна куда-то испарилось. Все запахи, окружающая температура, дискомфорт впредь казались реальными настолько, насколько реальной была поездка в автобусе.

Позади захрустели сухие ветки. Кто-то очень быстро приближался, но Леон не мог рассмотреть, кто это был, из-за тумана. Рубашка впивалась в плоть сильнее, душила и саднила, словно прилипшая к лопнувшей растертой в кровь мо-золи вата.

Паника пульсирующим жаром поднималась от низа живота к щекам. Коннор побежал. Он не знал, куда. Не знал, зачем. Черная чаща впереди пугала не меньше, чем спешащие шаги за спиной.

Как бы быстро не старался бежать Леон, каждый шаг давался ему с невероятным трудом. Словно мышцы его были забиты, и он вынуждал их шевелиться через силу.

«Недостаточно быстро! Я не могу!»

Преследующий настигал.

С неведомой силой рубашка сжала ребра Леона корсетом. Легкие судорожно задержались внутри, не имея возможности

раскрыться. Парень захрипел. Он чувствовал, как с потом выступает краснота на его лице.

Сердце заколотилось еще быстрее, судорожно противясь сужающемуся пространству. Первобытный животный страх неотвратимой гибели захватил сознание парня. Изможденные ноги обмякли, как восковые, и Леон рухнул прямиком в мокрую земляную кашу, смердящую застоявшейся водой и гниющими растениями.

– Только не снова! – страдальчески закричал парень. Глаза его помокрели. Он хотел проснуться, но не мог.

Шаги в тумане замедлились, и вскоре к лежащему в грязи Леону выступил черный мужской силуэт, держащий руки в карманах толстовки.

Голубые и бесконечно мельтешащие глаза парня раскрылись шире. Он узнал этот образ.

«Да это же тот тип из автобуса! Нет, это точно сон. Я слишком перенервничал, потому это и снится мне».

Но лица он не рассмотрел, даже когда силуэт подошел слишком близко. Воплощенная черная тень наклонилась над Коннором и с особой яростью впиалась пальцами в ткань на груди парня. Острая пекущая боль тут же пронзила мозг, словно Леона схватили за кожу.

Рывок, и с характерным трещащим звуком клоч рубашки остался у незнакомца в руке.

Кровь тут же толчками повалила из оставшейся на груди дыры. Леон кричал, пока голос его не охрип. Боль и ужас

слились в истеричный коктейль, от которого парень терял разум.

– Мерзость, – прошипел теневой силуэт, и отшвырнул вырванную ткань на землю. – Ты ему не принадлежишь.

– Кому? – вымученно спросил Леон. Он не мог ни ползти, ни сопротивляться, словно из него выпили все физические и моральные силы.

– Тому, кто дал тебе эту дрянь, – тип в толстовке с пренебрежением втоптал часть от рубашки в землю.

Коннор почувствовал неприятный прямой взгляд, исходящий от воплощенной тени. Знакомая леденящая душу аура злобы и беспощадности снова обволокла парня коконом. Но теперь он чувствовал себя слишком уставшим и измотанным, чтобы хоть как-нибудь бороться.

Тень вытащила нож и приставила его к шее дрожащего Леона, но тот просто закрыл глаза. Он подумал:

«Если меня сейчас прирежут, то сон закончится. Я проснусь в своей постели и все будет хорошо».

– Нет, – глухо зарычал тип в толстовке. Он был полон негодования, от чего сжимал рукоять оружия сильнее. – Этого недостаточно. Он все испил, сукин сын.

Тень выпрямилась и убрала лезвие, склонив голову на бок.

– Отпусти меня домой, – жалобно и устало простонал Леон. – Пожалуйста...

– Для начала придется тебя освежевать. – Мужчина сел

сверху на грязное окровавленное тело Коннора и принялся срезать ножом пуговицу за пуговицей. Каждая отдавалась в мозге парня неистойвой болью, будто ему отрезали соски. Леон завопил во всю глотку. Из последних сил выдавливая из себя безответную панику.

Он чувствовал, тип в толстовке наслаждается его реакцией. Он наверняка ухмыляется там, под капюшоном.

Когда с пуговицами было покончено, тень крепко схватилась за края рубашки и потянула их в разные стороны, протяжно вырывая из человеческой плоти. Кровь брызгала с каждым успешно освобожденным от ткани сантиметром. Леон ощущал, как кожа отрывается от мяса вслед за рубашкой. Его тело дрожало и билось в агонии от невозможности куда-либо деться из пучины адской боли. Он уже сам не осознавал, кричит или нет.

Когда рубашку содрали с боков, легкие резко расправились и вызвали приступ кашля. Леона затошнило. Но, как и в прошлом кошмаре, ему не удавалось вырваться. Ком подступал к горлу и таял, подступал и таял.

– Не гасни, – мужчина в толстовке зарядил Леону пощечину и поднялся. Это на время прояснило поплывший рассудок. Парень трясущимися руками коснулся своих боков и ощутил их горячую липкость: кожи на его торсе почти не осталось. Всюду зияли кровоточащие рваные раны, напоминающие язвы.

Ему снова захотелось потерять сознание. Умереть. Рас-

твориться в небытии, лишь бы не чувствовать этой боли, не видеть этого ужаса, произошедшего с ним.

В обнаженное мясо впились колючие сухие ветви. Леон помнил их еще с прошлого сна. Щупальцы, тянущие куда-то в беспроглядное земляное жерло...

Сейчас они также поволокли его тело по водянистой каше из перегноя и опавшим острым палкам в лес. Раны пекли и ныли, и у парня не получалось терпеть. Он был на грани потери сознания, но все еще стонал и плакал, не имея возможности отключиться, хотя ему безумно хотелось.

Силуэт с ножом медленно ступал следом, провожал, наблюдая за своей жертвой. Он больше не говорил и не нападал. Лишь шел.

Парализованной гусеницей, Леон безвольно отдавался существу, которое тянуло его в нору. На этот раз парень нырнул в нее головой. Тьма поглотила его без остатка. Она лишила его воздуха, но лишила и страдания, и страха. Всех ощущений и чувств. Подарила долгожданный покой, мягко растворяющий в пространстве.

Глава 13

Раскрыв слипшиеся веки, Леон с облегчением обнаружил себя в родной постели. Слегка сыроватой от пота, но все равно уютной. На лице комканой маской свисала новая рубашка.

Разве он не вешал ее на спинку кресла? Определенно вешал. Неужели стянул во сне?

Убрав рубашку с лица, парень приподнялся и, хмурясь, оценил расстояние от кровати до кресла.

«Нет. Чтобы снять, пришлось бы пройти пару шагов. Это бред какой-то. Скорее всего, я забыл повесить одежду и уснул. Подсознание клевало меня за это, вот и приснился кошмар», – размышлял Коннор.

Он почесал спину. Вдруг, что-то маленькое, твердое и прохладное, прилипшее к пояснице, скатилось с кожи к нему в ладонь. Это была жемчужная пуговица.

– Нет, – прошептал Леон, теребя растрепанную нитку на лицевой стороне рубашки – место, где некогда была пришита пуговица. – Нет-нет-нет! Семьдесят пять евро! Завтра утром уже свидание! Нет! Боже... – он осмотрел изделие целиком, и увидел, что все пуговицы сорваны. Теперь они росинками устлали матрас. Парень страдальчески застонал и обхватил голову.

В этот момент ему захотелось плакать от досады и непо-

нимания. Как он мог так небрежно забыть рубашку в постели? Теперь она помятая и выглядит просто ужасно.

– Куда ты пропал, Леон? – высветилось на экране мобильного телефона оповещение из «Хэппихай» от Анны.

Отвечать не было настроения. Леон был слишком огорчен и подавлен. В отличие от Мэри, Анна никогда не требовала сиюминутного ответа. Не пыталась контролировать каждый его шаг.

Шмыгнув носом, но так и не заплакав, Коннор поднялся с постели и начал искать джинсы. Он принял решение срочно отправиться в ближайшее ателье, чтобы пришить пуговицы.

Для такой недалекой прогулки сильно рядиться парень не стал. Он вышел в простых джинсах, темно-зеленой футболке и в кроссовках.

Ателье располагалось в конце улицы за углом. Невзрачный уголок швеи делил одно здание с крупным хозяйственным магазином.

Пожилая женщина с брезгливым лицом и платиновыми волосами, туго стянутыми в пучок, приняла рубашку и начала ее рассматривать со всех сторон. Ее низкие остроугольные брови, подкрашенные черным карандашом, удивленно поползли на лоб.

– Такая роскошная вещь и все зубы вырвали, – голос старушки звучал хрипло. Ощущалась поношенность ее голосовых связок.

– Зубы вырвали? – не понял Леон. – Вы успеете пришить

все сегодня? Мне завтра уже на встречу в ней идти.

– Я успею все, – заверила швея. – Тем более работать с такой редкой вещью мне приятно. Не описать, как приятно.

– Только не испачкайте, – фыркнул на это парень. – Это «Мелолонта».

Расплатившись авансом, он пошел домой. По договоренности со старушкой, Коннор должен был вернуться за рубашкой к шести вечера. Времени еще оставалось много, и он решил отвлечься на приятное. На Анну.

Миссис Марэль навещала могилу дочери, пока дочь была онлайн в соцсети «Хэппихай». Женщина ничего не сообщила супругу, так как прекрасно помнила скандалы, которые у них случались в первое время после похорон. Тогда Пэгги почти каждый день ездила на кладбище и проводила рядом с Анной много часов. Она рассказывала надгробию последние слухи и новости, читала. Иногда просто сидела и смотрела в нарисованные гранитные глаза. На сердце Марэль становилось спокойнее...

Но психотерапевт порекомендовал Тони ограничить супругу в подобных визитах. По мнению врача, они лишь усугубляли депрессивное расстройство. Пэг была вне себя от возмущения, дома разразился грандиозный скандал. Но все-таки женщина прислушалась. Она начала принимать больше успокоительных, немного увеличила прописанную дозу антидепрессантов, чаще гуляла в парке. Все это, безусловно,

дало свои плоды. Состояние миссис Марэль улучшилось.

Сейчас же навестить дочь для нее было необходимостью. Женщине хотелось пожаловаться, рассказать о том, что с профиля Анны сидит некто чужой и обнаглевший, но никто не верит. Ни Тони, ни полиция. Никто.

Стоя у буйно цветущего розового куста перед черным памятником, Пэгги вдруг почувствовала себя невероятно одинокой. Посреди жаркого летнего дня, ее будто обдало холодным ветром, от которого кожа покрылась мурашками.

Тони заметно отдалился. От него больше не исходило то доверие и та поддержка, которые были ранее, еще до смерти Анны. За прошедший тяжелый год у них и близость-то случилась лишь раз. Не удовлетворившая ни одного из партнеров. Отношения остывали, а супруги медленно, но стремительно превращались в чужих друг другу людей. Так казалось Пэг.

Единственной отрадой оставалась Анна. Даже мертвая Анна... Ее дочь, ее нереализованные надежды и мечты. Ее рухнувшее счастье.

Иногда Марэль казалось, словно все вокруг просто хотели закопать Анну в землю. Не разбираясь. Казалось, будто полиция не хочет тщательнее заниматься поисками. Чего таить, ей до сих пор так кажется. Кажется? О, нет, она всецело уверена в этом.

Они нашли лишь окровавленную одежду и единственный зуб. Этого ведь недостаточно, чтобы делать выводы о том,

что человек может быть жив, но достаточно, чтобы на два метра вниз опустить гроб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.